

Алексей Котов

**Последний
патрон**

Алексей Николаевич Котов

Последний патрон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452917

Аннотация

Книга для борьбы с плохим настроением в какой-то мере доказывающая, что искусство, по крайней мере, искусство борьбы с таким настроением, еще не умерло. А, в общем-то, это довольно безобидное и ироничное повествование на мультяшном уровне о хитроумном индейце, пытающемся удрать от полусумасшедшего полковника, а еще о неунывающей рыцарской братии, к своей беде, не утратившей понятия о чести и благородстве.

Последний патрон

Ироническая повесть с претензией на философское отношение к жизни и к тому, что находится на ее втором плане

Закон прерии прост и он гласит: слабые убегают, сильные догоняют, а боги наблюдают с небес. Но закон только дает рекомендацию – убежать или догонять – и совсем не объясняет, как можно удрать от взвода солдат во главе со свирепым полковником. Наверное, именно так жизнь и превращается в игру, на которую иногда желают взглянуть мрачные индейские боги, уставшие от формальных жертвоприношений.

Впрочем, Чинганчгук мало думал о богах, жизнелюбивый индеец всегда предпочитал исключительно земные радости. Это-то и привело к тому, что однажды командир форта «Белая лилия» полковник Дадли, вернувшись из командировки в соседний городок, нашел в спальне своей красавицы-гувернантки Джойс индейские мокасины. Ярости воинственного янки не было предела. Все дело в том, что очаровательная метиска-гувернантка имела куда больше прав на сердце полковника, чем его растолстевшая и сварливая женушка. С того самого времени полковник Дадли и возмечтал поймать Чинганчгука живым.

Засады и ловушки, периодически устраиваемые неутоми-

мым и мстительным полковником, были коварны и неумелы, а сочетание таких противоречивых качеств, как известно, к добру не приводит. В ловушки то и дело попадали возвращающиеся из самоволки пьяные солдаты и местные ковбои, путешествующие с парой сотней коров в сторону железнодорожной станции. Солдаты в засаде поднимали невероятную пальбу, те кто в нее попался также не жалели патронов и дело, как правило, заканчивалось тем, что обе стороны, выяснив наконец-то кто есть кто, заканчивали перестрелку элементарным мордобоем. Затем стороны мирились, обмывали «вечную дружбу» в ближайшем салуне и драка возобновлялась с новой силой, при чем в ход шли уже не только кулаки, но и стулья, бутылки и даже доски от стойки бара.

Короче говоря, местное население страдало, Чинганчгук Большой Змей был неуловим, а полковник Дадли продолжал верить в свою удачу. Именно она-то ему и помогла!.. Если засады в оврагах и зарослях кустарника с ядовитым названием «сотня осиних жал» приносили только проклятия солдат в адрес полковника, то удача – подчеркну удача элементарнейшая, даже какая-то дикая по своей невероятности – и принесла долгожданный успех. Иными словами, та самая погоня за Большим Змеем, о которой пойдет речь дальше, началась еще в спальне красотки Джойс одним прекрасным летним утром, на исходе которого полковник Дадли вернулся из очередной командировки. Местные слухи утверждают, что полковник даже успел получить мокасином по физио-

номии, причем не от Большого Змея, а именно от красоти Джойс. Но, подчеркну, это только слухи. Погоня же за индейцем, второпях покинувшим женскую спальню, продолжилась сначала на территории форта, потом, после беспорядочной ружейной пальбы и пары артиллеристских залпов, в близлежащих окрестностях и наконец-то почти завершилась близ Лысой горы. Солдатам полковника удалось загнать Чинганчгука ни куда-нибудь, а именно на ее вершину.

Теперь у любвеобильного индейца оставалось только два выхода: либо броситься на залегший возле подножья взвод солдат, либо попытаться перевалить через вершину горы. Последний путь был, разумеется, предпочтительнее, – взвод еще не успел охватить гору сплошным кольцом, – но там, внизу, из-за валунов торчали стволы трех десятков винчестеров. Путь к вершине был открыт – недаром гору называли Лысой – но какими бы плохими стрелками не были brave вояки полковника Дадли, как минимум десяти из них удалось бы прострелить индейцу ноги.

– Эй, Чинганчгук!.. – послышался снизу чей-то веселый голос. – Мы уже разложили костерчик. Иди к ручью и вымой свои грязные пятки.

Большой Змей посмотрел на свои ноги и пошевелил пальцами. Вся прерия в радиусе ста пятидесяти миль знала, что полковник Дадли мечтает только об одном – как бы поджарить пятки Чинганчгуку.

За одним из огромных валунов справа мелькнула туша полковника. Индеец насторожился. Исчезнувший было Дадли появился снова, и, оглядываясь по сторонам, встал. Судя по всему, порядком запыхавшийся полковник потерял ориентировку и считал, что ему удалось зайти в тыл к Большому Змею.

Чинганчгук почесал нос стволом «большой собаки» и невольно подумал о том, что, во-первых, азарт преследования сыграл с полковником дурную шутку; и, во-вторых, что если ему удастся пристрелить Дадли, то взамен благодарные солдаты, пожалуй, могут провести казнь без костра. Избавиться от такого гарнизонного тирана, каким являлся Дадли, было бы для его подчиненных примерно таким же счастьем, как объятия парочки девчонок или купание в бочке виски.

Большой Змей поднял тяжелый кольт и тщательно прицелился в толстое брюхо полковника. Когда бляха полковничьего ремня легла точно на мушку, индеец нажал на курок. Грохнул выстрел, кольт рвануло вверх. Чинганчгук быстро восстановил прежний прицел, и вторая пуля ушла следом за первой. Вместо третьего выстрела послышался тихий щелчок.

«Патроны кончились», – догадался Большой Змей.

Дадли швырнуло за валун.

– Полковник убит! – радостно крикнул кто-то из солдат.

Чинганчгук издал свое традиционное «йо-хо-хо!...», но настоящей радости в этом крике не было. Как, впрочем, и шан-

сов на жизнь.

К телу Дадли метнулось несколько фигур. Почти сразу же оттуда раздался голос лейтенанта Джонса:

– Чинганчгук, скажи мне, только честно, ты куда стрелял?

– В бляху, – признался Чинганчгук и продолжил свой прежний победный вопль. – Йо-йо-хо!..

– Да заткнись ты! – крикнул лейтенант. В его голосе легко угадывалась тихая скорбь. – Спешу сообщить тебе, балбес, что ты в эту бляху и попал двумя пулями.

Вопль оборвался.

– Дадли жив? – недоверчиво спросил индеец.

– Жив, только в глубоком нокауте. Слушай, Большой Змей, тебе не кажется, что ты слишком хорошо стреляешь? – лейтенант плюнул с досады. – Положить на таком расстоянии две пули в крохотную железяку на ремне, сможет только полный кретин. Кстати, если бы ты пристрелил полковника, майор Кейман стал начальником форта, а я его заместителем. В этом случае мы могли бы отправиться с тобой на Золотую речку.

– Там нет золота, – быстро ответил индеец. – Легенды врут.

– Врут индейцы, а не индейские легенды. И, к сожалению, наш полковник жив. Сегодня ночью тебе нужно было больше потрудиться в постели. Когда у мужчины трясутся руки, он не так метко стреляет.

– А ну заткните свои вонючие рты! – неожиданно заревел

пришедший в себя полковник. – Я лично пристрелю каждого, кто осмелится задеть честь моей преданной гувернантки!

Кто-то тихо гоготнул, и смех пробежал по рядам залегшего взвода, как огонек по свежему тополиному пуху.

Чинганчгук потерял саднящее правое плечо. Когда вчера вечером он забрался в спальню Джойс, его ждали настолько пылкие объятия, что любвеобильный вождь немного замешкался и угодил рукой между железными прутьями гридушки кровати. Не увернись Чинганчгук от падающего на него следом пышного женского тела, он наверняка еще долго не смог пользоваться своим кольцом с прежним успехом за исключением разве что тех случаев, когда рукоятка «большой собаки» требовалась ему для сокрушения орехов.

Чинганчгук ощупал ворох амулетов на груди, почувствовав под пальцами холодный цилиндр с полукруглой вершиной, он с силой рванул шнур.

– Слышь, Чинганчгук! – донесся снизу ставший по-деловому резким голос лейтенанта Джонса. – Нам пора прекращать эту комедию. В конце концов, так честные индейцы не поступают.

– Что ты имеешь в виду? – неохотно отозвался индеец.

– Вместо того, что бы поджарить тебе пятки мы сами жаримся на солнце.

– Не нравится, можешь валить в казарму, – Чинганчгук освободил амулет от шнурка. – Я никого не задерживаю.

– Лучше сдайся по-хорошему.

– А что мне за это будет? Вы слегка притушите свой костерок или передадите прощальное письмо моей скво?

Чинганчгук поднял амулет к глазам. Он был предельно прост и представлял собой самый обычный патрон для кольта. Но это был последний патрон, и Большой Змей приберегал его исключительно для себя, надеясь, при случае, избежать лишних и крайне болезненных формальностей во время перехода в Долину Предков.

Чинганчгук вставил патрон в барабан кольта и взвел курок.

– Мы что, так и будем воевать без обеда? – возмутился кто-то из солдат. – Да в гробу я этого индейца видел.

– Что бы увидеть индейца в гробу, в него еще нужно попасть, – возразил другой хриплый голос.

– В гроб попасть? – уточнил другой голос, с явно веселой интонацией.

– Нет, в индейца. А этот Быстроногий Олень, может быть, еще весь день от нас убежать будет.

– Большой Змей, – поправил нетерпеливого солдата Чинганчгук.

– Ну, значит, не бегать, а летать.

Солдаты ожили.

– А если эту Змею бомбой рвануть?

– Хорошее предложение. Запросто можно!

– Молчать, каналы! – Громовой голос полковника умел остужать страсти с таким же успехом, как и неожиданно сва-

лившаяся на голову снежная лавина. – Мы возьмем живым этого мерзавца, даже если мне придется отправить в лучший мир половину из вас!

Солдаты испуганно замолчали.

Чинганчгук последний раз посмотрел на солнце. Оно уже заметно поднялось над горизонтом, и день обещал быть довольно жарким. Большой Змей усмехнулся и подумал о том, что на этом свете не так уж и здорово.

«Пора!..» – решил он.

Прежде чем отправиться в долину предков, как и положено перед дорогой, индеец постарался сесть поудобнее. Он оперся на правую руку и чуть приподнялся... Кольт в его ладони издал сухой щелчок. Чинганчгук замер и, уже чувствуя под сердцем неприятный холодок, медленно поднял револьвер. Худшее предположение оправдалось – спущенный боек упирался в капсулю патрона. Любая другая осечка, случись она даже во время пальбы во время рукопашной в пьяном борделе, не смогла бы так сильно расстроить Чинганчгука.

Индеец взвел курок, перекрутил барабан кольта и снова нажал на курок.

– Что это он там расщелкался? – послышался снизу ворчливый голос лейтенанта Джонса. – Неужели патроны кончились?

– Верно! – поддержал догадку командира солдаты. – Этот прохвост почти голый из спальни выскочил. Откуда ему эти патроны взять-то?

Солдаты разговорились.

– А у него нож есть?

– При чем тут нож?

– Знал я одного индейца, так он и за сто метров мог скальп снять.

– Я бы и за пятьдесят снял... С нашего сержанта Снока, например.

– А продал бы за сколько?

– За полдоллара!

Чинганчгук внимательно осмотрел ремешок для амулетов – при определенных обстоятельствах можно было бы отправиться в Долину Предков и с его помощью. Но проблема заключалась в том, что поблизости не было деревьев с крепкими сучьями способными выдержать крепкое и любвеобильное тело мужчины. Впрочем, времени тоже не было. Внимательно наблюдавший за своим врагом полковник, вряд ли бы согласился с таким относительно безобидным способом бегства Чинганчгука в иной мир.

Индеец вздохнул и вытащил патрон из барабана кольта. При беглом взгляде выяснилось, что патрон кто-то вскрывал. Не прилагая особых усилий, Чинганчгук вытащил пулю из гильзы. В гильзе не было ни крошки пороха, вместо него там находился свернутый в упругий рулончик лист папиросной бумаги.

«Если это любовное послание одной из девушек моего племени, – подумал Чинганчгук, – после смерти, по ночам,

я буду приходить в ее вигвам и дышать ей в ухо».

Индеец развернул записку. Он сразу узнал почерк своей жены.

«Мой любимый муженек! – писала скво. – Я очень надеюсь, что сейчас тебя окружило целое стадо бледнолицых, и ты уже попробовал сбежать в Долину Предков. Нет, милый, такая жалкая смерть не достойна моего вольнолюбивого мужа, особенно если учесть все то доброе, что ты успел для меня сделать...» После странного росчерка подчерк скво стал неразборчивым и дальнейшее послание Чинганчгук смог прочитать с большим трудом: «...Ты подохнешь, как собака! Ты будешь медленно поджариваться на костре, и вспоминать все те юбки, которые успел задрать! Знай, дорогой вождь, что это я предупредила полковника Дадли о том, что ты снова направился к его любовнице! Знай, что это я высыпала порох из твоего амулета и тем самым подставила твои драгоценные пятки пылающему костру! Прощай, любимый, и будь ты проклят! Твоя, теперь уже бывшая, скво».

Чинганчгук потерял шею. Он невольно подумал о том, что если бы в свое время добрый монах отец Лаврентий не выучил Дикую Лозу читать и писать, то гордой индианке, даже при всем ее желании, вряд ли бы стал доступен такой по-французски изощренный способ мести.

Индеец поднял голову и осмотрелся. Солдаты осторожно переползали от валуна к валуну и приближались, предпочитая выставлять в качестве мишени те места, ранение в кото-

рые хоть и считалось малопочетным, но зато никогда не было смертельным.

Неожиданно раздалась хриплая команда полковника Дадли:

– Стоять, каналы!

Несколько солдат послушно встали и вытянулись по стойке смирно.

Полковник выругался:

– Лежать, идиоты!

Солдаты растерянно оглянулись и, после некоторого раздумья, легли.

Кто-то глупо хихикнул:

– Ребята, а у этой индейской свиньи кажется действительно кончились патроны.

Чинганчгук горестно покачал головой. Когда у него были патроны никто не смел называть его свиньей.

Лейтенант Джонс не без интереса рассматривал возбужденное лицо полковника Дадли. Полковник молчал и в его глазах светился огонь то ли уже разведенного для казни костра, то ли адские угли ущемленного самолюбия.

– Мы ждем ваших дальнейших распоряжений, полковник, – лейтенант, устраиваясь поудобней, лег на бок. Эта расслабленная поза сразу лишила его воинственности. – Очень надеюсь, что приказы скоро последуют, иначе наши солдаты побросают винтовки и разбегутся по ближайшим кабакам.

Полковник не обратил ни малейшего внимания на воль-

ное обращение лейтенанта к старшему по званию. Он резко встал.

– Слушай ты, индюшачья морда... – багровея, обратился он к Чинганчгуку.

– Я вас очень внимательно слушаю полковник, – донеслось сверху.

– Ну, так вот, ты всегда считал меня трусом, – продолжал полковник. – Но теперь я стою перед тобой в полный рост, каналья, и даже не знаю, есть ли у тебя патроны...

– Вы смелый человек, – заметил индеец.

– ...Я стою перед тобой, дикарем, как я уже говорил в полный рост и хочу сказать тебе прямо в глаза все, что о тебе думаю. Если тебе не понравятся мои слова, ты можешь меня пристрелить.

– Хорошо, я подумаю, – пообещал Чинганчгук.

– Итак, я хочу сказать тебе, что ты – ублюдок!

– А что это такое? – притворно удивился индеец.

Полковник замешкался. «Ублюдок» было одним из самых любимых его ругательств, но, откровенно говоря, полковник довольно смутно представлял, какой именно грех должен совершить человек, что бы претендовать на это «звание». Не зная, что ответить полковник достал из кармана носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

– Что-то ты стал слишком словоохотливым... – пробормотал он.

– Мне больше нечего терять, сэр – индеец с грустью осмот-

релся по сторонам и еще раз пожалел, что поблизости нет деревьев.

– Ты пьяница и самый развратный развратник! – снова зарычал полковник.

– С последним трудно не согласиться, – отозвался Чинганчгук.

Цвет лица полковника приобрел фиолетовый оттенок.

– Что ты хочешь этим сказать, кретин?!

– Только то, что вы слышали.

Дадли бешено вращая глазами, оглянулся вокруг, словно призывал в свидетели силы небесные и земные, включая тихо похохатывающий взвод.

– Уж не хочешь ли ты этим сказать... – медленно заговорил полковник с трудом протискивая слова сквозь сжатые зубы. – Что моя добропорядочная гувернантка, этот агент во плоти... То есть я хотел сказать ангел и ты...

– Пока я ничего не хочу утверждать, – оборвал индеец полковника. – Но, в конце концов, вы сами можете меня к этому вынудить.

Полковник воздел руки к небу и исторг целую лавину ругательств. Членораздельные слова встречались в ней примерно так же часто, как одуванчики в горячей вулканической лаве. Кое-кто из солдат заткнул уши и отполз подальше от Дадли. Когда полковник принимался бушевать, он имел дурную привычку топтать ногами совсем не обращая внимания на то, лежит ли рядом с ним солдат на огневой позиции

или, что случается не так уж редко, ползет ли солдат по-пластунски из ближайшего салуна в родную казарму.

Полковник бесновался минуты три и все это время повеселевший индеец обдумывал идею, неожиданно пришедшую ему в голову. Риск, разумеется, был, но так как альтернативой риску являлась только попытка самоповешения по методу барона Мюнхгаузена, собственноручно вытащившего самого себя из болота, Чинганчгук решил рискнуть.

– Ты клеветник, Новухудоносор и фетюк! – Продолжал между тем полковник. Он уже немного подустал, его словарный запас порядком истощился, а поэтому в обвинительной речи стали встречаться довольно редкие ругательства. – Ты фанфарон, филантроп, физиономист и лжепророк!..

Чинганчгук улыбнулся и поднял руку.

– Подождите полковник.

– Что тебе, свинья?!

– По-моему, вы, как бы это лучше выразиться, немного перегибаете палку.

– Тебе бы этой палкой да по твоей красной роже, фармацевт!

– Я не об этом, – Чинганчгук припомнил последний французский роман, который он читал, отсиживаясь в погребе святого отца Лаврентия. Стараясь соблюсти так понравившуюся ему стилистику речи, индеец быстро заговорил. – Ваши обвинения хотя и имеют некоторое, скажем чисто условное, отношение к моей персоне, но, тем не менее, я совсем

не собираюсь выслушивать всяческие грязные инсинуации в свой адрес и уж тем более без предъявления каких-либо конкретных фактов.

Дадли пожевал губами и погрузился в глубокое раздумье. Полковник не любил французских романов и явным трудом переваривал только что сказанное индейцем.

Солдаты начали перешептываться, вскоре в цепи вспыхнула легкая перебранка. Кое-кому из них, а вернее тем, кто зайдя вечером в казарменный нужник не отказывал себе в удовольствии прочитать страничку-другую из прибитой гвоздем к стене стопки местных газет, показалось, что индеец, защищая честь дамы, вызвал полковника на дуэль.

Малыш Бреди и сержант Снок тут же возразили заявив, что у индейца нет сабли. Но сторонники дуэли по прежнему твердо стояли на своем. По их мнению, двум настоящим мужчинам вполне хватило бы и одной полковничьей железяки, чтобы перерезать глотки друг другу.

Наконец полковнику надоело думать, и он спросил:

– Слушай, индейский гаденыш, ты не мог бы сказать тоже самое, но другими словами?

– Во-первых, не гаденыш, а Большой...

– Змееныш! – выкрикнул кто-то из солдат.

Все уткнулись носами в землю. Спины солдат тряслись от немого смеха.

– ... Большой Змей, – спокойно закончил фразу Чинганчгук. – А, во-вторых, полковник, какими именно словами я

должен выражать свои мысли, если вы, произнося свою обвинительную речь, не используете ни одной мысли?

Витиеватость речи индейца снова сбила полковника с толка.

– Что б ты сдох, ты не мог бы говорить проще, собака?!

В солдатской цепи кто-то тихо гавкнул. Смех возобновился, но тут же стих под яростным взглядом полковника.

– Ладно, полковник, – донеслось сверху. – Я скажу проще – вы только что меня оскорбили.

– О, Боже, наконец-то! – полковник настолько грязно выругался, что покраснел даже сержант Снок. – Ну и что же конкретно тебе, грязный пес, не понравилось, если не секрет?

– Разумеется не секрет. Я не лжепророк.

Индеец был прав. Последний раз он имел отношение к религии, когда обобрал валяющегося на дороге пьяного баптиста. При этом он не испытывал ни малейших угрызений совести поскольку тот человек нарушил божью заповедь, которую сам же обязался свято соблюдать.

– Если ты не лжепророк, значит ты еще хуже! – проревел полковник.

– Послушайте, сэр, – голос индейца стал официально сух, – вы оскорбили меня второй раз и я не советую вам сделать это третий. Лжепророк!.. Что может быть страшнее для индейца?

– Ты мне советуешь?! Я буду поджаривать твои пятки на

костре до тех пор, пока ты не раскроешься во всех своих грехах. Ты всегда был, есть и будешь лжепророком!

Чинганчгук привстал так, чтобы полковник наконец смог его увидеть. Расстояние между врагами оказалось значительно меньше того, на которое рассчитывал полковник.

– Посмотрите сюда, сэр. Что вы видите? – Чинганчгук протянул вперед раскрытую ладонь. На ней, в ворохе, состоящем из шнурка и нескольких замысловатых колдовских регалий, тускло блеснула медь. – Вы видите обычный индейский амулет. Теперь я снимаю вот эту вещицу со шнурка. Р-р-раз! Что мы видим? Самый обыкновенный патрон, сэр...

Чинганчгук быстро откинул барабан кольта в бок, вложил в него патрон, вернул барабан на место и взвел курок. Перезарядка «большой собаки» заняла у него одну секунду.

Полковник окаменел.

– Вам понравилось, сэр? – Большой Змей улыбнулся. – Откровенно говоря, я приберегал этот патрон исключительно для себя. Но вы смертельно меня оскорбили, и я решил подарить его вам.

Дадли молча рассматривал револьвер в руке индейца. Он вспоминал все легенды, в которых рассказывалось о меткости Большого Змея, и пришел к выводу, что их не просто много, а потрясающе много.

Лейтенант Джонс приподнялся на локте и громко крикнул:

– Взвод, слушай команду!..

Полковник ожил.

– Отставить, идиот! – тихо прошипел он. – Ты, что не видишь, что я на мушке у этой канальи?

Солдаты нехотя опустили ружья.

– Полковник, – горячо и достаточно громко для того, что бы его мог услышать индеец, зашептал Джонс. – Попробуйте лечь. Если вы ляжете быстро, то индеец обязательно промахнется.

Дадли внимательно взглянул на лицо Чинганчгука. Ответный взгляд индейца был спокоен и даже насмешлив. Полковник сглотнул густую слюну и подумал о том, что если сейчас он получит пулю в живот, причем уже не в бляху, то его красавица гувернантка вряд ли долго будет носить траур.

– Иди ты к черту, лейтенант, – полковник покосился на Джонса. – Порядочный офицер на твоем месте попытался закрыть своего командира грудью.

«Моя грудь, пожалуй, не сравнится с грудью красавицы Джойс, – подумал лейтенант. – Но даже эта легкомысленная блондинка не совершила бы подобной глупости!»

Вслух он сказал:

– Да, сэр, вы правы. Но даже если и я успею сделать это, то на таком расстоянии пуля кольца прошьет меня насквозь, не потеряв и половины своей убойной силы.

– У меня все-таки появится шанс.

– Зато у меня его не будет.

– Я разжалую тебя в рядовые! – побледневшее было лицо

полковника, снова слегка порозовело. – Я отправлю тебя в штрафную роту. На Аляску, к белым медведям!

Лейтенант Джонс поморщился и промолчал. С таким командиром, как полковник Дадли, не стоило спорить.

«В конце концов, ведь он еще жив», – решил лейтенант.

– Эй, полковник, – крикнул индеец. – Пусть твои ребята отложат свои пушки в сторону. По-моему они начинают немного нервничать.

– Слушай ты, индейская свинья, – тут же (и по его собственному мнению весьма вовремя) взорвался лейтенант Джонс, – тебе кажется, что когда полковник сказал, что ты стал слишком словоохотливым, он был абсолютно прав? Может быть, мы должны не только сложить свои винчестеры, но и еще одолжить тебе немного денег на виски?

– Неплохая идея, – согласился индеец.

– Да? В таком случае, я сейчас скажу тебе все, что еще не успел тебе сказать полковник. Ты – шельма и совратитель!

– Полковник, если этот тип не перестанет говорить обо мне правду, я вас пристрелю, – Большой Змей улыбнулся и чуть приподнял колыт.

Лейтенант немного привстал на локте. Его глаза возбужденно загорелись.

– И ты еще смеешь мне угрожать, краснорожий?!

– Не вам, а вашему начальнику.

– Да какая к черту разница, если речь идет о чести офицера армии Соединенных Штатов! – лейтенант Джонс немно-

го театральным жестом рванул ворот форменной куртки и чуть было не воскликнул: «Стреляй подлая душа! Стреляй тарантул!», но вовремя сдержался. Он смутно припомнил, что такие слова уже где-то звучали и возможно в одном из рассказов О. Генри.

– Лейтенант, немедленно прекратите истерику, – порозовевшее лицо Дадли снова побелело. – А вы, ребята, действительно отложите-ка пока свои стволы в сторону. Поговорим лучше с этим мерзавцем спокойно.

Солдаты нехотя подчинились. Конечно, кое-кто из них подумал о том, что бы слегка нажав на курок своего «винни» спровоцировать индейца на ответный выстрел, но, во-первых, «большая собака» Чинганчгука могла дать осечку; во-вторых он мог промахнуться и, в-третьих, полковник Дадли уже не раз доказывал свое дьявольское везение и умение выпутываться из казалось бы безвыходных ситуаций. Например, однажды после карательной экспедиции против племени ирокезов (на солдатском жаргоне «головорезов») полковник Дадли вернулся в форт в полном одиночестве (как выразился генерал Шерман «в единственном экземпляре») растеряв в прериях и ближайших каньонах целую роту. Разумеется, любой другой такой же бравый полководец, оказавшийся на месте Дадли, тут же, строевым шагом, отправился в военно-полевой суд, но полковнику неслыханно повезло, потому что как раз заглянувшему в его форт с инспекторской проверкой генералу Шерману не с кем было выпить. Леденя

душой, полковник сел за стол. Находясь в состоянии чем-то очень напоминающую невысказанную женскую истерику, Дадли сразу же стал воспринимать любую случайно-меланхоличную реплику изрядно захмелевшего генерала типа: «Да ты пей, полковник, пей...» примерно так же как принимает последний приказ умирающего императора японский самурай. Короче говоря, желая хоть чем-нибудь угодить своему начальству, полковник начал пить так, как не решилась бы пить любая, решившая покончить жизнь самоубийством лошадь после скачка на сто миль. Полковник пил, совершенно не обращая внимания на то, что он пьет, из сосуда какого размера, и не сводил преданных глаз с генеральской физиономии. Конечно же, это был очень опрометчивый поступок. Давно решившие от него избавиться лейтенант Джонс и майор Кейман, принялись подсовывать под руку Дадли самые разнообразные и все более возрастающие по объему сосуды, пока, наконец, не дошли до весьма вместительного ведерка, из которого хлебала конский суп гарнизонная любимица овчарка Сью. Полковник выпил и из него, но не только не умер, но и по-прежнему оставался таким же трезвым как прошлогодняя еловая шишка. Он немного захмелел лишь только тогда, когда генерал Шерман устал распевать старые солдатские песни, взмахом руки смел со стола все приборы и полез к нему целоваться. Никому не доверяя трепещущее генеральское тело, полковник Дадли лично отнес его в спальню и уложил на свою кровать не забыв прогнать оттуда кра-

савицу Джойс. На следующее утро он списал погибших во время экспедиции солдат на эпидемию брюшного тифа. Генерал Шерман подписал составленный лейтенантом Джонсом протокол не глядя, и правильно сделал, так как при более внимательном прочтении ему невольно пришлось бы обратить внимание на две существенные и довольно ехидные описки сделанные мстительным Джонсом. Во-первых, вместо «от брюшного тифа» лейтенант написал «от брюшного мифа», а, во-вторых, чуть ниже, не «скончались», а «пали смертью героев, не сдавшись в плен».

Чинганчгук поманил Дадли колытом.

– А теперь идите сюда, полковник.

Дадли сделал пару шагов, не отрывая взгляда от оружия в руке индейца. Тот понимающе хмыкнул.

– Итак, сэр, если я не ошибаюсь, вы хотели мне что-то сказать. Извините, что я прервал вас, но теперь вы можете продолжать. Даю честное слово индейца, мне хочется услышать правду о себе именно от вас, а не от лейтенанта Джонса. Он максималист и его мнение мне не интересно. Итак, продолжайте, полковник.

Дадли молчал.

– Ну? Я жду, сэр! – Чинганчгук любовно погладил «большую собаку». – Не стесняйтесь.

Дадли поморщился.

– Слушай, парень, – медленно и с трудом заговорил он, – мы тут немного погорячились, но это еще не значит, что я к

тебе плохо отношусь...

– Конечно, мы немного погорячились, – оборвал Дадли Чинганчгук. – Я убежал, а вы меня догоняли. Интересно, зачем?.. Вы хотели мне сказать, что относитесь ко мне как к родному сыну?

Дадли проворчал в ответ что-то не очень вразумительное. Все слова, которые еще совсем недавно буквально распирали мозги полковника, вдруг куда-то исчезли, а вместо них, как дыра в старом заборе, чернела самая обыкновенная тоска.

– Ну что ж, – Чинганчгук задумчиво потер стволom кольца кончик носа – Мне кажется, сэр, что сейчас вы не склонны говорить о моих недостатках. Хорошо, тогда давайте поговорим о ваших. Что вы можете сказать о себе, полковник? Вы хороший человек?

– Ну... Я думаю... – нерешительно и тихо сказал полковник. – Я думаю, что да...

– Вот видите, вы не уверены. Но у вас, как и любого другого человека, наверняка есть недостатки. Я бы хотел услышать несколько слов о них. Кстати, подойдите поближе и станьте немного левее, так мне будет лучше видно ваше лицо. Я не люблю, когда мне врут в глаза, сэр. Вот так... Спасибо. Теперь если кто-то из ваших солдат вздумает пристрелить меня, для начала ему придется потренироваться на вас. Итак, я вас слушаю, сэр!

Полковник молчал.

Лейтенант Джонс грыз кулак и не сводил глаз с валуна, из-

за которого виднелись плечо и голова индейца. Из массы самых разнообразных идей он никак не мог выбрать одну нужную, то есть ту, которая при должном казенном оформлении рисовала бы гибель полковника в наиболее героических, а возможно даже трагических, красках.

Чинганчгук перехватил внимательный взгляд лейтенанта Джонса, устремленный на спину Дадли, и поймал себя на мысли, что он ни за что на свете не пожелал, что бы кто-нибудь вот также смотрел ему в затылок. Гораздо более безопасным было бы наступить босой ногой на клубок гремучих змей.

Пауза явно затянулась. Чинганчгук притворно вздохнул.

– Итак, сэр, как я понимаю, вы отказываетесь говорить?

Дадли хотел утвердительно кивнуть, но не смог сделать даже этого. Он с трудом поднял руку и дрожащими пальцами расстегнул верхнюю пуговицу мундира. Пот градом катил по его бледному лицу.

В глазах лейтенанта Джонса наконец-то блеснуло осмысленное выражение.

«К черту все! – подумал он. – Чего я боюсь, безоружного полковника или индейца, у которого остался только один патрон?»

Лейтенант вытер рукавом вспотевший лоб. Легкое движение лейтенанта не ускользнуло от внимания Чинганчгука. Увидев округлившиеся и неподвижные глаза Джойса, индеец быстро сказал:

– Полковник, станьте, пожалуйста, чуть левее.

Пока Дадли осмысливал команду, лейтенант Джонс отложился в сторону кольт и взял винчестер у ближайшего солдата. Большой Змей выругался, уже не было времени повторять команду времени, и он метнулся вправо. Грохнуло два выстрела. Джонс в сердцах сплюнул и ударил левой ладонью по земле. Стрелять в третий раз не было смысла – Чинганчгук уже находился на одной линии с Дадли.

Индеец присел на землю и, не отрывая взгляда от побледневшего до синевы полковника, осторожно ощупал свободной рукой правую пятку. Джонс все-таки попал в него – вторая пуля ударилась в валун примерно в метре от него и острый как бритва осколок камня, немного попортил то место на ноге индейца, которое мечтал поджарить Дадли.

Полковник оглянулся и посмотрел на Джонса. К искреннему удивлению солдат и самого Джонса в его взгляде не было гнева, скорее там была только рассеянность.

– Кто стрелял? – тихо спросил он.

Лейтенант отбросил винчестер в сторону и громко выругался.

– Кто стрелял? – уже громче повторил Дадли.

– Ну, я!..

– Вы, Джонс? Зачем?

– Я хотел пристрелить грязного индейца.

Лицо полковника передернула судорога.

– Разве вы не слышали моего приказа? – Дадли говорил

тихо, но старые солдаты уже достаточно хорошо изучившие его характер знали, что это было даже не затишьем перед бурей, а скорее легким шорохом кладбищенского ветра перед Страшным судом.

– Я хотел спасти вас, сэр.

– Спасти?

– Да, черт побери!

– Вопреки моему приказу? Кто из нас командир, Джонс, вы или я?

– Перестаньте нести чушь, полковник. Какой вы командир? Сейчас вы в плену, а пленный не может отдавать приказы.

– Та-а-ак... Значит я в плену, – в голосе полковника послышались первые громовые раскаты, а на щеках выступили еще очень осторожные, как тучи на горизонте во время засухи, красные пятна. – А почему ты так решил, сукин ты сын? Лейтенант Джонс презрительно скривился.

– Потому что именно такое решение мне подсказывает здравый смысл. А если это не так, то почему вы не вытащите из своей кобуры кольт и не пристрелите этого краснорожего?

– Краснокожего, – поправил Чинганчгук.

– А какая к чертям разница! – взорвался лейтенант Джонс. – Слушайте, полковник, вы не хотите, что бы стрелял я? Тогда стреляйте сами! И если вам суждено умереть, то умрите с честью.

– Боже милостивый! И ты еще говоришь мне о чести, под-

лец?! – взревел Дадли.

– А почему бы и нет, если вы сами о ней забыли?

– Клянусь стаканчиком виски на крышке гроба моей ма-тушки, – тихо прошептал рядовой Бредли на ухо сержанту Сноку, – оказывается, наш лейтенант не такой уж простец-кий малый за которого он так старательно себя выдавал. При случае он может постоять за себя.

Сержант Снок скептически улыбнулся.

– Может быть это и так, Малыш, – прошептал он в ответ. – Но не хотел бы быть на месте лейтенанта Джонса, если полковник вернется в форт живым. Белые медведи и Аляска это еще не самое худший вариант карьеры.

– А кто тебе сказал, что полковник вернется живым? – Малыш Бредли хитро подмигнул. – В данный момент я не поставил бы и гроша на этот вариант.

– Ты уверен?

– Конечно. Я хорошо знаю Джонса. Если этот «певец» взял первую ноту, значит, он надеется довести всю «арию» до конца. Но нам с тобой не будет от этого хуже.

Впереди снова послышалось утробное, чем-то напоминающее раскаты грома, рычание полковника. Оба солдата прервав свой разговор, устремили взгляды на Дадли.

– Безмозглый прохвост!.. Паразит! Убийца! – к Дадли вернулся его обычный здоровый, то есть ярко красный, цвет лица и прежняя зычность голоса. – Изверг!.. Индейский прихвостень!

– Полковник, идите вы к черту, – огрызнулся Джонс.

Он бросил выразительный взгляд на лица солдат и, словно призывал их в свидетели, громко крикнул:

– Я повторяю еще раз, полковник, я только хотел спасти вас.

Кое-кто из солдат понимающе кивнул в ответ.

– Ты... Спаси?! – полковник задохнулся от охватившей его ярости. – Да ты не лейтенант американской армии, негодяй! Ты Верная Рука – друг индейца.

– Что ж может быть, но я не обладаю индейским терпением.

– Ты снова хочешь выстрелить в меня, каторжник?!

– Разумеется, не в вас. Я хочу выстрелить в индейца. И не моя вина, если он выстрелит в ответ.

– Если ты сделаешь это, ты станешь убийцей и пойдешь под трибунал!

– Вы уверены? – Джонс отбросил барабан кольца в сторону и вытряхнул на землю отстрелянные гильзы. – А вот я думаю, что солдаты засвидетельствуют, что я хотел спасти вас.

– От кого дьявол тебя задерит?!

Лейтенант Джонс пожал плечами и вытащил из под сумки горсть патронов.

– От кого? Может быть от самого себя.

Чинганчгук закончил перевязывать пятку и поднял голову.

– Полковник, – окликнул он Дадли. – По-моему вам луч-

ше подойти ко мне ближе. Тогда Джонс вряд ли посмеет выстрелить.

Раскрасневшийся Дадли обернулся и смерил индейца презрительным взглядом.

– Ты смеешь давать мне советы?!

– Не горячитесь, полковник. Джонс может промахнуться, а вот я нет. – Большой Змей осторожно поставил ногу на землю и медленно встал. Боль в пятке была, но не большая. При желании с такой травмой можно было бы отмахать за день добрые пятьдесят миль. – И неужели вы не понимаете, что сейчас я ваш единственный союзник? А вы мой последний шанс и я искренне хочу, что бы вы протянули как можно дольше.

За спиной Дадли сухо щелкнул взведенный курок. Полковник вздрогнул и бросился к индейцу. Лейтенант поднял колыт. Толстая спина полковника, туго обтянутая мундиром, нелепо подпрыгивала на мушке, почти полностью заслоняя собой индейца. Джонс улыбнулся и дважды нажал на спусковой крючок.

Первая пуля сбила с Дадли фуражку, вторая сорвала погон. Ругаясь на чем свет стоит, Дадли подбежал к индейцу и, споткнувшись на последнем шаге, тяжело повис у него на плечах. Чинганчгук ободряюще улыбнулся и похлопал его по спине.

– Все хорошо, полковник. Мы еще живы.

Дадли с трудом восстановил равновесие. Не обратив на

приветствие Большого Змея ни малейшего внимания, полковник повернулся к нему спиной. Те слова, с которыми он обратился к лейтенанту Джонсу хотя и имели некоторое отношение к языку автора «Гамлета», тем не менее, почти наверняка не были ему знакомы, за редким исключением вроде «мама» и «пошел». Что касается самого Джонса, то гнев Дадли его несколько не смутил. Лейтенант молча рассматривал свой кольт и чему-то загадочно улыбался.

– Полковник, возьмите себя в руки, вы еще не на свободе, – Чинганчгук слегка толкнул в спину Дадли стволом «большой собаки». – Вы что не видите, что ваши призывы к совести офицера абсолютно не действуют на Джонса?

Дадли замолчал и скользнул взглядом по лицу индейца. Оно было совершенно спокойным. В глазах Дадли вспыхнули прежние искорки недоброжелательства.

– Ты радуешься... Индеец?

– Полковник, вы задаете столь много вопросов, что на них не смогла бы ответить и учительница женской гимназии в местной резервации.

Грохнул очередной выстрел. Тяжелая 12-ти миллиметровая пуля кольта прошла между ног Дадли, несколько раз срикошетировала о валуны за спиной индейца и, вернувшись в почти прямо противоположном направлении, лишила полковника второго погона. Услышав над головой свист своей собственной пули, лейтенант Джонс хмыкнул и на всякий случай прилег.

Дадли хотел присесть, но в его спину тут же снова уперся ствол «большой собаки». Полковник вытер пот и расстегнул очередную пуговицу на мундире.

– Послушай... Как тебя там? – полковник облизнул пересохшие губы – Чингисхан, что ли?

Индеец улыбнулся.

– Называйте меня Большой Змей, полковник. Так вам будет проще выговорить.

– Хорошо, Змея...

– Змей, с вашего разрешения.

– Да, Змей. Ты не считаешь, что нам лучше залечь?

– Если мы ляжем, сэр, нас могут неправильно понять.

– Ты о чем, дьявол тебя задери?

– Пока мы стоим, ваши солдаты видят, что вы живы и нам обоим ничего не грозит, – терпеливо объяснил Чинганчгук. – А как только мы исчезнем из вида, у лейтенанта Джонса появится отличный шанс для интриги.

– А если солдаты уйдут, ты отпустишь меня?

– Разумеется.

– Ты даешь слово?

– Я могу вам подарить не одно, а целых десять слов. Но боюсь, что даже если бы их было в сто раз больше, вам не все равно оставалось бы ничего другого, как просто довериться мне.

– Довериться индейцу? То есть я хотел сказать поверить Змее?

– Змею, при чем Большому, полковник. Кстати по моим наблюдениям вера – весьма не лишняя вещь на свете. Как говаривал святой отец Лаврентий иногда она способна творить чудеса гораздо большие, чем простая искра в бочке с порохом. А теперь будьте так любезны, пожалуйста, вытащите из кобуры свой кольт и попробуйте пристрелить лейтенанта Джонса. Он, кажется, опять в вас целится.

Дадли передернуло.

– Я не имею права стрелять в офицера армии США!

– А он в вас?

Полковник пошевелил пальцами правой руки и вытер их о штанину. Чинганчгук увидел, как напряглась и сразу же ослабела под туго натянутым мундиром лопатка Дадли.

Внизу грохнул еще один выстрел. Пуля ударилась о землю в нескольких сантиметрах от ноги Чинганчгука. С десятков мелких и острых как иголки камня ужалили босые ноги индейца. Большой Змей молча покосился на полковника. Тот о чем-то сосредоточенно думал. Спешить полковник кажется не собирался – он был в сапогах.

Чинганчгук слегка подтолкнул Дадли стволом «большой собаки».

– Вы что уснули? Мы стоим как две мишени! А если мы ляжем, Джонс тут же обвинит меня в попытке изнасилования офицера США. Стреляйте же в ответ, черт вас побери!

– Я хочу спросить... – голос полковника зазвучал странно глухо. – Там, в форте... Ты был с моей Джойс?

Морщинистая щека полковника маячила возле самого носа индейца и на ней мелко пульсировала синяя, старческая жилка...

Лейтенант Джонс прицелился еще раз. Его физиономия буквально светилась от азарта бильярдного игрока старающегося положить в лузу последний шар.

– Перестаньте, лейтенант! – окликнул его сержант Снок.

Лейтенант нехотя взглянул на него.

– Что тебе, сержант? – грубо спросил он. – Ты понимаешь, что делаешь замечание офицеру?

– Во имя Господа Бога... – начал было сержант.

– Заткнись!

– Послушайте, лейтенант, – заступился за своего друга Малыш Бредли. – Вы, конечно, в праве делать все, что сочтете нужным. Но, честное слово, вы сильно рискуете. В форте наверняка начнется следствие и из нас всех начнут выжимать факты.

– И что же ты скажешь?

– Простите, лейтенант, но это не очень умный вопрос. Нас тут три десятка человек. Кто-то из них скажет в вашу пользу, кто-то нет. Но трибунал – не парламент. Вы хотя бы это понимаете?

Лейтенант Джонс усмехнулся. Прежде чем вложить кольт в кобуру, он выстрелил в воздух...

Полковник вздрогнул и присел. Он не хотел умирать, не узнав правды о своей любимице Джойс. Чинганчгук почесал

кончик носа стволом «большой собаки». Если бы полковник Дадли был, допустим, отцом Джойс, то тогда бы он наверняка не совершил нелепого поступка с претензией на героизм и заслуживал бы скорее жалости, нежели презрения.

– Полковник, уверяю вас, Джойс интересуется меня точно так же как пьяная драка ковбоев.

– Тогда почему я регулярно нахожу тебя в ее спальне?!

– Это единственное место, где я могу спокойно отдохнуть и выспаться. Вы очень упорны в преследовании, полковник.

– Ты считаешь меня идиотом?! Я застаю тебя с Джойс уже третий раз за последний месяц!

Большой Змей подтащил к себе упирающегося Дадли.

– Полковник, вы военный человек, а не понимаете самых элементарных вещей. Снаряд никогда не падает дважды в одну и ту же воронку, сэр. Это хорошо знают ваши солдаты, когда ищут укрытия на поле боя. Первый раз я пробрался к вам в форт, чтобы одолжить пару лошадей. Вдруг поднялась отчаянная пальба. Я не люблю ночной перестрелки, и решил, что никто не будет искать меня в спальне вашей любимой гувернантки. Джойс спала, и я тихо присел возле ее кровати. А потом появились вы...

– Я ничего не понимаю! Джойс сказала мне, что она потеряла сознание.

– Да?.. Тогда я не заметил, как она проснулась. Теперь представьте себе на минуту: молодая женщина неожиданно просыпается и видит возле кровати индейца обвешанного

перьями и с томагавком в руке. Джойс любит на ночь читать французские романы?

– Понятия не имею, а что?

– Подобное чтение делает женскую психику особенно ранимой. Это я знаю из опыта общения со своей скво. Впрочем, это не относится к теме нашего разговора. Так вот, я не люблю делать повторные визиты и особенно в те места, где мне не с кем выкурить трубку мира. Но через неделю у меня кончились патроны. В этом есть и доля вашей вины, полковник. Ваши подчиненные – довольно бойкие ребята. Особенно когда они напиваются. Я встретился с десятком таких возле Пьяного Моста через Золотую речку и неплохо побеседовал с ними. Правда, во время этого разговора мне пришлось восемь раз перезаряжать свой «винни».

– Ты ранил пятерых!

– Полковник, я мог пристрелить их всех. Но дело в том, что я не люблю когда у меня над головой хлопают крыльями души невинно убиенных. Короче говоря, мне пришлось нанести вам повторный визит и, увы, мне снова не повезло. Снова поднялась жуткая пальба, и я подумал о том, о чем вам говорил чуть раньше: снаряд в одну воронку дважды не падает. Поэтому я вторично спрятался в спальне вашей гувернантки.

– Ты все врешь! Я хорошо помню, что когда тебя нашли второй раз, никто не стрелял.

– А за два дня до того, как меня нашли?

– Ты хочешь сказать, что пробыл в спальне Джойс два дня, и она не попыталась пристрелить?

– Разумеется, она попыталась, сэр.

– Но почему ты жив, черт бы тебя побрал?!

– Полковник!.. Сэр! Да будет вам известно, что меня расстреливали шесть раз. Последний раз, если мне не изменяет память, это попытался сделать взвод Национальной Гвардии возле водопада Чертова бездна. По-моему от меня ждали, что я стану осыпаться проклятиями бледнолицых, и сам брошусь на их штыки. А я просто прыгнул вниз...

– А зачем ты приперся в форт в третий раз?

– У меня кончилось виски...

– Ложь!

– ... И табак.

– Уж не считаешь ли ты мой форт своей продовольственной базой?!

– Конечно, нет, полковник. На любой такой базе, если тебя нет в строго определенных списках, нужно платить деньги, а у меня их не так много, как хотелось бы. Короче говоря, когда во время третьего визита я взял все необходимое и уже шел к воротам, мне снова не повезло – я споткнулся о пьяного часового. Малый вряд ли бы проснулся и от более крепкого толчка, но как только я уронил ящик с виски, он сразу же вспомнил о своем долге. Мне пришлось спрятаться.

– И сколько на этот раз ты пробыл в спальне Джойс?

– Три дня, сэр, и вы можете легко проверить мои сло-

ва. Ровно за три дня до того, как вы обнаружили в спальне Джойс, вашем форте пропал ящик виски.

Дадли растерянно заморгал глазами. Виски во вверенном ему форте пропадало чуть ли не каждый день.

– Кстати, полковник, однажды в казино в Сан-Хуане на рулетке три раза подряд выпало «зеро». Как только оно выпало в третий раз, крупье сразу же пристрелили. Никто даже не попытался выслушать его объяснений потому, что третье «зеро» не смог бы объяснить и сам отец Лаврентий!

– Послушай, Снок... – лейтенант Джонс жевал невесть откуда взявшуюся травинку и с холодным любопытством рассматривал две фигуры возле вершины горы. – Ладно, эта парочка наверху нашла тему для беседы, но какого черта бездействуем мы?

– Вы тоже можете попробовать договориться с индейцем, сэр.

– О чем?

– Он должен отпустить полковника.

– Индеец ничего нам не должен. И примерно с таким же успехом я могу попросить его, чтобы он застрелился, – лейтенант поморщился и взглянул на Бредли. – А ты что думаешь, Малыш?

– Я думаю о том, сэр, что полковника никто не любит. В него может выстрелить любой из наших ребят, а потом он постарается свалить вину на вас, потому что вы первый пока-

зали свое нерасположение к полковнику. Ведь вы уже стреляли в него.

– Я стрелял в индейца. Кроме того, почти все слышали, как щелкал курок его кольта. У Большого Змея кончились патроны.

– Индеец не так глуп, сэр. Он предъявил нам последний патрон, который таскал в своем чертовом амулете.

– Ладно, что ты предлагаешь?

Малыш Бредли усмехнулся. Он сунул в рот трубку и не спеша закурил.

– Прежде чем начать наступление, нужно позаботиться о тыле, сэр.

– Что ты имеешь в виду?

– Поскольку, как я уже говорил, в индейца может выстрелить любой, вы должны быть на виду. Вам нужно алиби, сэр.

– Спасибо за заботу, Малыш. Итак, ты тоже понимаешь, что выстрел все равно будет. Но мне не очень-то нужен мертвый индеец.

– Значит должен умереть полковник. Но как раз в него нельзя стрелять.

– Ты хорошо соображаешь, Малыш. Интересно, а как ты стреляешь?

– Тоже неплохо, сэр.

– Отлично! – лейтенант Джонс встал и отряхнул форменные брюки.

Присев на валун, он достал сигареты. Солдаты, кто с лю-

бопытством, а кто с удивлением, смотрели на своего командира.

– Рядовой Бредли! – рявкнул Джонс.

– Да, сэр!

Бредли подскочил как подпружиненный чертик из шка-тулки.

– Там чуть ниже есть ручей. Идите и наберите воды. Можете не спешить, у нас еще масса времени.

– Есть, сэр!

Лейтенант Джонс потерял к Бредли интерес. Он помахал рукой полковнику и индейцу.

– Как дела, ребята? – белозубо улыбаясь, спросил он.

Выстрел был почти не слышен, так как прозвучал довольно далеко, но пуля едва не оторвала Дадли кончик носа. Полковник зарычал и, выхватив кольт, разрядил весь барабан в сторону улыбающегося лейтенанта. Джонс выругался, упал и отполз за валун.

Чинганчгук удовлетворенно кивнул головой.

– Хватит, полковник. Этот тип совсем обнаглел, – индеец не без усилия вытащил кольт из рук Дадли и взвесил его в руке – У вас еще есть патроны? Нет? Жаль.

Полковник уже несколько освоился с положением заложника и прорычал в ответ:

– А пошел ты!..

– Остыньте, полковник. Знаете, чем мы отличаемся друг

от друга? Тем, что в отличие от вас я оптимист. Вы удивлены?

– Я скорее возмущен тем, что ты до сих пор жив. Потому ли ты никак не можешь забыть дорогу в спальню Джойс?!

– Полковник, ваше поведение становится просто не выносимым. Вы слишком ревнивы и вам нужно изменить свой характер, иначе когда-нибудь утром вы умрете от носового кровотечения. Хотите стать оптимистом, полковник?

– Я им стану, если ты мне объяснишь записку, которую мне передали вчера. В ней черным по белому было написано, что ты снова припрешься к Джойс.

– Все очень просто, сэр. Записку, о которой вы мне сказали, конечно же, написала моя жена. Этой бедной женщиной руководило чувство элементарной ревности. И уж кому как не ей было знать, где я прятался дважды и куда, в случае опасности, я сунусь наверняка еще раз? Если хотите, это доказывает мою невинность. Если бы я испытывал какие-то чувства к Джойс, я ни за что не рассказал своей жене о своем вынужденном визите в ее спальню.

Чинганчгук врал. Дикая Лоза догадалась о новой любовной связи совсем не потому, что он рассказал ей об этом сам. Просто Джойс любила духи «Ночь любви», запах которых не испарялся с мужского тела даже после пятидесятимильной пробежки при полном индейском вооружении. Кроме Джойс, в окружности двухсот пятидесяти миль, такими духами не пользовался никто.

Полковник немного подумал.

– Значит, тебя выдала твоя же собственная жена?

– Да и могу привести вам еще одно доказательство. Уверен, что в записке, которую вам подбросили, мне давалась довольно оскорбительная характеристика. Но заметьте, полковник, это именно такая характеристика, которую может дать только жена и только своему мужу. Например, я уверен, что она написала вам, что я – бабник. Скажите, полковник, если один мужчина называет другого бабником, должен ли второй воспринимать это как оскорбление? Разумеется, нет. Это, скорее всего, комплемент. Так что все дело в женщинах, дорогой полковник.

– Откуда мне знать, что ты мне не врешь? – в голосе Дадли легко угадывалось сомнение.

– Действительно не откуда? Но это чисто риторический вопрос, полковник. Поэтому попытайтесь и в самом деле стать оптимистом, то есть поверьте мне на слово. Такая вера может подарить вам жизнь. В противном случае лейтенант Джонс разделается с нами обоими. Точнее сначала я разделаюсь с вами, а потом он со мной. Впрочем, у меня в отличие от вас даже есть некоторый шанс. Джонс уже давно предлагает мне прогуляться с ним на Золотую Речку. Он гарантирует полный комфорт путешествия. Боюсь, что после вашей смерти я не смогу ему отказать до, а после прогулки к речке у меня просто не будет возможности сделать это. Нам пора сматываться отсюда, полковник.

– Эй, ребята, – подал голос лейтенант Джонс, – о чем вы там беседуете?

– Заткнись, Верная Рука! – закричал в ответ Дадли. – Тебе нет до этого никакого дела!

– Да? А если вы, полковник, выдаете индейцу наши военные секреты?

Дадли передернуло.

– Ну, подожди, подонок, я еще разберусь с тобой!

– Когда?

– Как только мы вернемся в форт, слизняк.

Джонс расхохотался:

– Да вы оптимист, сэр!

Дадли посмотрел на Чинганчгука. В его глазах появилось что-то такое, что заставило индейца опустить кольт и смущенно кашлянуть.

– Сэр?.. – спросил индеец.

– Я совсем запутался, черт бы вас всех попрал, – хрипло, с тоскливой ноткой в голосе пробормотал Дадли. – И не могу сообразить, как нам выпутаться из этой ситуации.

Чинганчгук понимающе кивнул.

– Нам нужно избавиться от лейтенанта Джонса. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

– Как? У меня больше нет патронов.

– Все можно сделать иначе. Разжалуйте Джонса в рядовые, а на его место назначьте кого-нибудь другого.

– Разжаловать? Прямо сейчас? Думай, что говоришь, индеец! Перед тобою взвод армии США, а не шайка каманчей.

– Сэр, если вам не удастся именно сейчас подыскать нужную бюрократическую формулировку, для того что бы расправиться с Джонсом, вам вскоре придется отправиться туда, где эти формулировки не имеют никакого значения. Рекомендую вам на лейтенантское место сержанта Снока.

Дадли проворчал что-то невразумительное. Он немного подумал, почесал вспотевший лоб и спросил:

– Ты его знаешь?

– Снока?.. Немного. Это довольно добродушный малый хотя и карьерист. Трусоват и склонен к панике. Когда я столкнулся с ним нос к носу на тропинке в Черном ущелье, он настолько растерялся, что вместо того что бы выстрелить, просто запустил в меня своим винчестером. Короче говоря, сейчас нам нужен именно такой лейтенант. Если нам удастся оградить его от влияния друзей, то у нас с вами появится неплохой шанс, а в худшем случае просто передышка. Но о друзьях Снока я позабочусь...

– Какая передышка? – перебил полковник. – Я ничего не понимаю и...

– Действуйте, полковник! – в свою очередь перебил индеец. – У нас мало времени. Для начала поднимите-ка своих ребят.

Дадли затравленно оглянулся по сторонам. Солнце садилось... Косые темные тени от лежащих на вершине горы ва-

лунов заметно выросли и стали чем-то похожи на длинные волосы купальщицы плывущей по воде.

Дадли подумал о Джойс. Почти наверняка сейчас эта чертовка пьет кофе и болтает со служанкой Мари о разных пустяках. Дадли вздохнул и на секунду закрыл глаза. Перед его мысленным взором сразу же предстал пышный бюст Джойс. На заднем плане мысленной картины покачивалось пустое кресло-качалка с подушечкой от геморроя. На мгновение полковнику показалось, что он услышал легкий скрип пола под изогнутыми полозьями кресла...

– Выстрелов больше не будет, лейтенант, – Малыш Бредли снова не спеша раскуривал свою коротенькую голландскую трубку. – Иначе любой трибунал начнет допытываться, почему они так часто звучали.

– Ты промахнулся, идиот! – поморщился Джонс.

– У меня была слишком сложная задача, а у индейца слишком крепкие нервы. Нам пора идти в рукопашную, сэр.

– Не слишком ли простое решение?

– У нас больше нет никакого другого.

Лицо Джонса сморщилось так, словно у него заболели все зубы сразу.

– Послушайте, сержант!.. Я... Как бы это сказать... Я не боюсь рукопашной с индейцем, тем более что нас тридцать против одного... Но... Фактически это будет выглядеть как убийство полковника и мне будет трудно оправдаться в три-

бунале.

– Вы забыли, что там не будет главного свидетеля.

– Кого именно?

– Самого полковника Дадли. А на мертвого можно повесить не только всех собак, но и койотов. Действуйте же, лейтенант!..

– Полковник, пора действовать, – твердо сказал Большой Змей.

Дадли прочистил горло и, выпятив мягкую старческую грудь, громко рявкнул:

– Взвод, слушай мою команду! Встать!..

Лейтенант Джонс опоздал со своей командой всего лишь на секунду. Солдаты переглянулись, и стали неохотно подниматься. Возможно, природа чем-то и обделила Дадли, но, наверное, бросая на него последний взгляд, она спохватилась и из жалости решила компенсировать все свои многочисленные недоделки идеальным командным голосом.

Чинганчгук удовлетворенно кивнул. Солдаты все еще считали Дадли своим командиром, хотя и помимо собственной воли.

Взвод встал и вытянулся по стойке смирно. Лейтенант Джонс остался лежать, изобразив на своем лице полное безразличие.

Дадли поправил ремни и окинул суровым взглядом замершую шеренгу солдат.

– Вольно, ребята, – тихо подсказал Чинганчгук.

– Вольно, – выдохнул Дадли и не совсем уверенно добавил. – Парни... Кхм... Да.

– Вот что, ребята – тихо продолжил Чинганчгук. – Сложившиеся обстоятельства заставили принять меня тяжелое решение...

– В общем, так, парни, – полковник нашарил в кармане носовой платок и вытер вспотевшее лицо. – Откровенно говоря, я плевать хотел на все обстоятельства, которые мешают офицеру выполнить данный ему приказ...

– Лейтенант Джонс не оправдал возложенного на него высокого звания... – продолжил Чинганчгук.

– ...Но лейтенант Джонс, эта Верная Рука Друг Индейца, – уже увереннее заговорил полковник, – этот подлец, несколько раз покушавшийся на жизнь своего командира и тем самым обменявший звезды на своих погонах на плевки пьяной проститутки...

Чинганчгук покачал головой. Полковник выразался через чур цветисто.

– И поэтому... – шепнул индеец.

– А потому!.. – громогласным эхом отозвался Дадли.

– Я приказываю обезоружить его...

– Я приказываю сорвать с него погоны...

– Дать ему пинка под зад...

– Арестовать его...

– А самим возвращаться в казарму...

– И возвращаться с арестованным в казарму!

Чинганчгук подтолкнул полковника стволом «большой собаки».

– Сэр, это слишком. Джонс будет против ареста и ни за что не согласится на него.

– Иди к черту! – огрызнулся Дадли и в свою очередь толкнул Большого Змея локтем. – Этот негодяй ответит мне за все.

– Полковник, вы все сказали? – наконец отозвался лейтенант Джонс.

– Нет, иуда!

– Да? Ну, это не так уж важно, – Джонс приподнялся на локте и махнул солдатам рукой. – А ну, ложись, ребята! Наша операция по освобождению полковника еще не закончена.

– Взвод, стоять! – тут же взревел Дадли.

Солдаты смущенно переглянулись. Кое-кто из них опустился на одно колено, но после окрика полковника снова встал.

– Взвод, ложись! – взвизгнул лейтенант.

Малыш Бредли остался стоять. Сержант Снок нерешительно топтался на месте, не зная, что делать. Больше всего на свете он боялся полковника, но лейтенант Джонс ближе.

– Сержант Снок! – в голосе Дадли было примерно столько же чарующей силы, сколько ее может быть в голосе продажного политика перед судом подкупленных им присяжных. – Сержант Снок, приказом по вверенной мне части я произ-

воюзу вас в офицеры и назначаю лейтенантом!

Джонс хохотнул.

– А каким приказом, полковник? Письменным, да?

– Не имеет значения, братоубийца!

– Это ваш приказ не имеет значения. Вы в плену, полковник!

Казалось бы, единственный, но убийственный по своей силе контраргумент Джонса не произвел на Дадли никакого впечатления. Полковника осенило неожиданное вдохновение, и он вдруг ясно услышал, как скрипнуло под ним кресло-качалка и почувствовал, как мягкие губки Джойс коснулись его небритой щеки.

– Лейтенант Снок, выполняйте приказ!

Новоявленный лейтенант мотнул головой, как это делает молодая лошадь, впервые обнюхавшая шпоры на ногах своего хозяина и с тоской посмотрел на лица своих товарищей. Лица были строги и абсолютно ничего не выражали. У Снока немного потеплело на сердце только тогда, когда лейтенант Джонс попытался ему снисходительно подмигнуть, но на беду лейтенанта от внимания солдат не ускользнул тот не маловажный факт, что веко Джонса при этом несколько раз конвульсивно дрогнуло.

Тем временем Малыш Бредли задрал голову и, прищурившись, стал рассматривать на небо. Там гордо парил одинокий гриф-стервятник. Бредли опустил голову и его взгляд уперся в грубые солдатские башмаки. Правый был на два

размера больше чем левый. Бредли презрительно плюнул на правый башмак, но не попал. Это была шуточка сержанта Белью. Старый пьяница приказал выдать ему разные башмаки после того как у Бредли не нашлось серебряного доллара что бы купить сержанту бутылку виски. Малыш Бредли обиделся и начал подумывать о вступлении в члены местного отделения ку-клус-клана, (сержант Белью был квартироном), но вся беда в том, членский билет «белоснежных балахонов» стоил целых три доллара.

«Да, это не жизнь!..» – решил Бредли.

Он скользнул внимательным взглядом по лицу Дадли. В глазах полковника сверкал прежний сумасшедший отблеск. Тысячу лет назад именно этот голубоватый внутренний свет заставлял дрожать сердца англичан, когда, нажравшись для храбрости старых мухоморов, веселые и полоумные викинги шли на штурм их хрупких крепостей.

«Вся штука в том, что индейцу, полковнику и Джонсу уже нечего терять, – подумал Бредли. – Я могу посочувствовать любому из них, если он рядом со мной, как сейчас лейтенант Джонс, но что я буду за это иметь?.. Хорошо, еще если мне всучат еще одну пару башмаков и левый будет на два размера больше, чем правый. А если ничего?..»

– Полковник! – громко крикнул он. – Откровенно говоря, мне, а вернее всем нам, ваш приказ не понятен. По крайней мере, таких нет в уставе.

– Что тебе не понятно? – гаркнул полковник.

– Сынок... – тихо подсказал Чинганчгук.

– Что тебе не понятно, сынок? – чуть более мягко и менее величественно поинтересовался Дадли, но все-таки не выдержал и добавил: – Черт бы тебя побрал!

– Подождите, полковник! – быстро зашептал Чинганчгук – Вы опять начинаете грубить. Поймите, сейчас вы должны быть просты и естественны. Если вы не можете сдержать своей грубости, то, по крайней мере, будьте хотя бы снисходительны в ней.

– А иди ты! – тихо огрызнулся Дадли. Кровь норманнского прадедушки снова изрядно успела затуманить полковнику мозги.

Чинганчгук поднял «большую собаку» на уровень лопатки полковника. Легкое прикосновение охладило Дадли, но не испугало. Он уже наверняка знал, что индеец не выстрелит. Их дела были не так уж плохи.

– Уважаемый сэ, – Малыш Бредли задумчиво потер щеку и бросил быстрый взгляд на свежее испеченного лейтенанта Снока словно приглашая его к разговору. – Мне и моему другу Сноку не понятно кто, в случае вашей гибели, подтвердит ваш приказ перед военно-полевым судом? Лейтенант Джонс этого делать не будет.

– Вас тридцать против одного Джонса! Тридцать слов против одного.

– Да, но он офицер. А военно-полевой суд может расценить наше поведение как заговор против командира.

– Так чего же вы хотите?

– Не так много, сэр, – наконец подал неуверенную реплику «сержант-лейтенант» Снок. – Мы хотим иметь письменный приказ с вашей подписью и описанием всего, что здесь произошло.

Лейтенант Джонс беспокожно заворочался на земле.

– Послушайте, ребята, вы, кажется, собираетесь поднять бунт? – его кольт описал плавный полуоборот и нацелился в живот Снока. – Не советую вам этого делать.

Малыш Бредли улыбнулся и направил свой «винни» на Джонса. После некоторого колебания еще трое солдат поспешили сделать тоже самое.

– Не торопитесь на тот свет, лейтенант, – голос Малыша Бредли был спокоен и даже деловит. – Разумеется, мы вам сочувствуем, но мы давали присягу, сэр.

– А почему ты не вспомнил о ней, подлец, когда недавно стрелял в полконику? – прошипел Джонс.

– Я стрелял в индейца, сэр.

– Ты уверен?!

– Абсолютно, сэр.

На лице Джонса заходили нервные желваки. словно еще не веря в предательство своих солдат, он оглянулся вокруг себя. На лицах его подчиненных было одинаковое выражение и оно не оставило ему ни какой надежды.

– Полковник, у вас есть бумага? – спросил Чинганчгук.

– Не знаю, – Дадли открыл планшет и достал оттуда карту

местности и плоскую фляжку с виски. Больше там ничего не было.

– Пишите приказ на обратной стороне карты, а это отдайте мне, – Большой Змей взял из рук полковника фляжку. – Чуть позже я отдам ее вашим ребятам, им нужно будет обмыть свои новые звания. Кстати, я вам говорил, что Малыш Бредли уже сержант?

– А какую услугу он тебе оказал, если ты даешь ему свою протекцию?

– Никакой. Малыш Бредли довольно скользкий тип и моя протекция носит чисто интуитивный характер. И я не рассчитываю на то, что повышение в звании изменит его в лучшую сторону, но более осторожным сделает наверняка.

– Ты выражаешься слишком витиевато, Змей. Тебе нужно поменьше читать французских романов, – Дадли сел и расстелил перед собой карту.

Вскоре большой белый лист украсило первое размашистое слово «ПРИКАЗ». В душе полковника пенились большие и яркие чувства, и они мешали ему сосредоточиться. Тем не менее, очень скоро полковник пожалел о том, что лист для приказа слишком мал.

Чинганчгук присел и отхлебнул из фляжки. Виски приятно обожгло горло.

– Кстати, полковник, – Большой Змей не без сожаления он осмотрел фляжку и, очевидно, прикинув на взгляд ее вместимость, завернул пробку на фляжке. – Три месяца на-

зад Малыш Бредли сопровождал почтовую карету, которую ограбили вблизи Уинслоу. Был довольно большой скандал. Не слышали?

– Я сам посылал его в этот наряд, – полковник поставил большой восклицательный знак после каллиграфически выведенного «заслужил публичного повешения». – А теперь отстань и не мешай работать.

Индеец улыбнулся.

– Сами посылали? Тогда почему майор Кейман, а не вы положил в сельскохозяйственный банк Нью-Гемпшира довольно крупную сумму?

Полковник поднял голову.

– Ты на что намекаешь?

– На то, что из всей охраны в живых остался только Малыш Бредли. И, повторяю, через неделю майор Кейман положил в банк двадцать четыре тысячи долларов. Всего на тысячу меньше, чем было в той злосчастной почтовой карете.

– Майор Кейман сказал, что него умерла бабушка и он получил наследство.

– Любопытное совпадение. Кстати, полковник, майор Кейман не пытался подsunуть вам приказ о присвоении Малышу сержантского звания?

Полковник задумался. Такой факт действительно имел место.

– Ну и что, черт бы тебя побрал?!

– Над этим фактом стоит подумать, полковник, – Боль-

шой Змей сгреб с земли горсть мелких камушков и принялся швырять их в греющуюся неподалеку в лучах заходящего солнца небольшую ящерицу. – Я просто хочу дать вам понять с какими людьми мы имеем дело.

– Мы?!

– Я понимаю ваш гнев, полковник. Мы!.. Что может быть общего между краснокожим дикарем и полковником армии США? Но послушайте меня, сэр, если вы не перестанете идеализировать людей, включая себя самого, и пусть даже идеализировать при помощи устава, то рано или поздно вы совершите жестокую ошибку.

На физиономии полковника появилось вымученная улыбка. Он уже давно устал думать, и у него болела голова.

– Ты снова говоришь непонятные вещи, индеец...

– В мире есть много загадок, полковник. И сегодня вам еще не раз предстоит столкнуться с ними.

Малыш Бредли спрятал в карман кольт лейтенанта и присел рядом с ним. Лейтенант нехотя взял протянутую ему сигарету.

– Сейчас старый пень кончит писать свое завещание, – тихо сказал разжалованному командиру свежеиспеченный сержант. – Если бы вы только знали, как я вам сочувствую!

Лейтенант глубоко затянулся сигаретным дымом.

– Кончай брехать, Малыш. Ты подлец каких еще свет не видел.

– Разве? – Бредли дружески положил руку на плечо Джонса. – А вот мне кажется, что у вас еще остались друзья.

Джонс небрежным движением стряхнул не совсем чистую пятерню со своего погона.

Рядом с сержантом Сноком, глухо звякнув о камни, упала завернутая в карту фляжка. Малыш Бреди поднял голову и, приложив руку ко лбу, посмотрел на вершину Лысой Горы. Алая в лучах заходящего солнца фигура индейца приветливо махнула ему рукой.

– Можете обмыть свои новые звания, ребята! – крикнул Чинганчгук.

Бредли хмыкнул. На фоне заката индеец представлял собой идеальную цель. Бредли чему-то улыбнулся, растянув и без того длинные и бескровные губы, а затем развернул брошенный индейцем пакет и углубился в чтение последнего приказа полковник Дадли.

– Ну? – нетерпеливо поинтересовался Снок.

– Ты в самом деле стал лейтенантом, дружище, – сказал Бредли. – А я сержантом. Полковник довольно красочно описал наши подвиги. Правда, Джонсу не повезло, полковник сделал все, чтобы сунуть его башку в петлю. Осталось только соблюсти некоторые формальности.

– А еще хорошие новости для меня есть? – усмехнулся Джонс.

– Увы, нет. Если эта карта попадет в руки генерала Шермана, вас повесят.

Лейтенант безразлично пожал плечами и стрельнул окурком в пробегающую мимо ящерицу. Ящерица показала лейтенанту розовый язык и исчезла в трещине.

– Ладно, давайте поговорим на чистоту, лейтенант, – Малыш Бредли подсел поближе к Джонсу и снова водрузил ему руку на плечо. – Что будет, если наш многоуважаемый полковник, будь он проклят, останется жив?

Снок беспокойно заворочался.

– Слушай, Малыш, ты говоришь странные вещи! Сейчас мы уйдем в казарму, и я очень надеюсь, что этот краснокожий все-таки отпустит сэра Дадли.

– Подожди, дружище, подожди! – Бредли свободной рукой небрежно потрепал Снока по колену. – Прежде чем совершить поступок, его нужно обдумать. Итак, что будет, если полковник Дадли останется жив? Я превращусь в сержанта, а ты – в офицера. Неплохо? Казалось бы, да. Но где гарантия того, что в самое ближайшее время полковник не передумает или, что хуже, решит доказать нам, что звания даром не присваиваются? На мексиканской границе сейчас не очень-то спокойно, Снок. Ты, например, хочешь бежать впереди своего взвода с полковым знаменем в руках, демонстрируя героизм кучке пьяных мексиканцев?

Снок поморщился. Он действительно не любил таскать тяжести и уж тем более под прицельным огнем.

– А теперь давай подумаем о том, что с нами будет, если полковник отдаст Богу душу, – продолжил Бредли. – Майор

Кейман наверняка станет начальником форта. У тебя, Снок, как у человека проявившего чудеса храбрости при спасении сэра Дадли, но все-таки не спасшего этого надоевшего всем дурня, появится неплохая возможность сделать карьеру и стать заместителем начальника форта. Ну, а что касается меня, то при твоей поддержке я могу запросто стать лейтенантом.

– Что-то ты сильно размечтался, – недоверчиво заметил Снок. – Я и вдруг капитан?!

– А почему бы и нет? Я уверен, что среди офицеров армии США не найдется желающих ехать в такую дыру, как наш форт.

– Но с чего ты взял, Малыш, что полковник умрет?

– Видишь ли, получается так, что полковник сам выдал нам индульгенцию на собственную кончину, – Бредли подмигнул другу, бережно свернул карту и ее положил в карман. – Он написал, что мы всячески пытались спасти его и теперь мы ничем не рискуем. Конечно, немного жаль, что мы не можем пристрелить полковника сами, нас здесь тридцать человек и не приведи Бог, если хоть один из солдат проговорится. Убрать полковника все-таки должен индеец...

– Да, но... – нерешительно начал Снок.

– Никаких но, дружище! – тут же оборвал Бредли. – Если игроку идет карта, только дурак выйдет из игры.

– Если речь зашла о картах, – усмехнулся лейтенант Джонс, – погадай на них мне. Мне как-то не безразлична

своя собственная судьба.

Бывший лейтенант поймал внимательный и холодный взгляд бывшего подчиненного и отвернулся. Ему стало противно. На лице Бредли, обнажая кривые зубы, сияла желтая шакальная улыбка.

– Думаю, мистер Джонс, у вас есть неплохой шанс выпутаться из этой истории. Полковник Дадли подарил вам хорошую кличку – Верная Рука Друг Индейца. Мы дадим вам возможность смыться на пару с Чинганчгуком.

– Из нас получится плохая пара, – сухо возразил лейтенант.

– У вас есть повод стать пайнкой и позабыть свою нелюбовь к краснокожим. Я уверен, что индеец знает одно симпатичное месторождение на Золотой речке. Я и Снок догоним вас по дороге именно туда.

Джонс усмехнулся.

– А ты не боишься, что если ты меняпустишь, то я просто сбегу?

– Нет, ведь вы дезертир, покушавшийся на жизнь своего командира. Скоро ваши портреты будут украшать даже валуны на вершине Лысой Горы. Логично?

– Правдоподобно. Но Чинганчгук может заупрямиться и не открыть свой секрет.

– Когда ему поджарят пятки, индеец расскажет нам не только про золото, но и про то, что делала в субботу вечером его прапрабабушка, когда Христофор Колумб, гремя шпора-

ми, ввалился в ее вигвам. После этого мы с ним распрощаемся.

Сержант Снок слегка подрагивающими руками расстегнул верхнюю пуговицу мундира.

– Мы сильно рискуем, Малыш. Лучше синица в руках, чем...

– Чем змея за пазухой! – оборвал друга Бредли. Он повернулся к сержанту и впился в его нервно подрагивающее лицо острым немигающим взглядом. – Я не собираюсь всю жизнь маршировать по плацу ни в звании сержанта, ни лейтенанта. Мне надоело по вечерам напиваться до чертиков и как манны небесной ждать единственного здесь развлечения – охоты на плохо вооруженных индейцев. Мне скучно, Снок, и я хочу красивой жизни. Кто не рискует, тот сам платит за свое шампанское, – Бредли открыл фляжку и зашвырнул пробку далеко в сторону. – А теперь нам нужно выпить за удачу, ребята! Эта козырная шестерка нам еще понадобится.

Полковник Дадли кашлянул. Чинганчгук не обратил на своего заложника никакого внимания – индеец сосредоточил все свое внимание на пробегающих мимо ящерицах. Его взгляд был сосредоточен и задумчив, словно индеец решал шахматную трехходовку лежа на мягком диване в доме отца Лаврентия.

Внизу грохнул выстрел. Дадли вздрогнул, но знакомого свиста пули не последовало. Чинганчгук отбросил камушки

в сторону и из расслабленного положения, лежа на боку, не спеша переместил свое мощное тело в положение сидя.

Оба, полковник и индеец, смотрели вниз. Втянув голову в плечи и пригнувшись, лейтенант Джонс удирал от солдат. Пули густой пушечной картечью поднимали вокруг него пыльные фонтанчики, с искрами рикошетировали о ближайшие валуны, но не задевали. Через неправдоподобно длинные пять секунд лейтенант сделал отчаянный прыжок и скрылся в косой расщелине, разделяющей предгорье на две равные части.

Солдаты вяло заматерились. Новые командиры Снок и Бредли тут же отправили в погоню за беглецом. Пятеро солдат нехотя вскинули ружья на плечи и поплелись в сторону расщелины.

Полковник выругался.

– Эй, парни! – зычно гаркнул он – Почему вы позволили сбежать Джонсу и какого черта вы еще не убрались в казарму?!

Большой Змей похлопал Дадли по плечу.

– Нам не нужно объяснений, полковник. Вам все равно сокрут. Пусть лучше Снок и Бредли вернут солдат, посланных за Джонсом. Я не хочу, чтобы там, за вершиной горы, шастали бледнолицые. Мне это не нравится.

Дадли сдержал гнев только потому, что в его ребра уперся ствол «большой собаки».

Выслушав приказ, Снок по сержантской привычке бро-

сился вслед за ушедшими.

Бредли остался стоять на месте.

– Вы что оглохли, сержант Бредли? – спросил полковник. – Забирайте солдат и убирайтесь в казарму.

Новоявленный сержант почесал у себя за ухом.

– Извините, сэр, но мы не можем уйти.

– Что, что?!

– Я не могу увести солдат в форт, сэр, – Бредли изобразил на своей физиономии, похожей на печеное яблоко, нечто вроде сочувствия. – лейтенант Джонс на свободе, а вы сами только что вернули солдат, посланных за ним. Теперь я не сомневаюсь, что Джонс сделает все возможное, что бы отомстить вам. Мы должны остаться, сэр. Ради вашего же блага.

Дадли позеленел от бешенства.

– Повтори, что ты сказал, свинья?!

– То, что вы слышали, сэр. К сожалению, теперь я не могу вернуться в форт без вас.

Лицо Дадли дрогнуло. По нему скользнула легкая тень и вместе с тенью с лица Дадли в очередной раз исчезла маска бравого командира. Он растерянно посмотрел на Чинганчгука. Индеец молча пожал плечами.

Постукивая о валуны амуницией, вернулось посланное в погоню за Джонсом отделение.

– Где лейтенант? – крикнул Бредли.

– Ушел!..

– Улизнул, как змея, там сплошные камни, – пояснил маленький, прыщавый солдат с большим носом. – И палить вслед было бесполезно.

Тихо матерясь, солдаты залегли и направили стволы своих винчестеров в сторону вершины Лысой горы.

Впереди, со стороны вершины, послышался приглушенный свист. Заметно выше, метрах в двадцати от Чинганчгукка и полковника, стоял лейтенант Джонс. Он тяжело дышал, но, тем не менее, радостная улыбка на его лице казалась почти естественной.

Полковник издал звериный рык и поднял с земли увесистый булыжник.

– Подождите, сэр, – легким движением руки Чинганчгук отстранил Дадли в сторону и сделал шаг по направлению к Джонсу. – Чем обязан, лейтенант?

Джонс присел на корточки, и устало привалился спиной к ближайшему валуну.

– Мне пришлось здорово побегать от своих же ребят, Большой Змей. Я смотрю, ты совсем не удивлен, что я еще тут?

Чинганчгук улыбнулся и медленно, так чтобы на это обратили внимание, осмотрелся вокруг. Окружающий пейзаж был желт, уныл, безжизнен и говорил о том, что в подобной местности можно встретить только два сорта людей: первыми были, как правило, удирающие после ограбления бандиты, а вторыми бывшие налетчики, записавшиеся в шерифы.

И те и другие не знали пощады к случайным, безоружным пешеходам.

– Конечно, я не удивлен, Джонс. Потому что вам больше некуда идти.

Улыбка медленно сползла с лица бывшего лейтенанта...

Жара чуть спала, но пот по-прежнему заливал Сноку глаза. Крупная полуголая фигура индейца подпрыгивала на мушке его винчестера и представляла собой идеальную цель. Снок всерьез подумывал о том, что бы нажать на курок и разом покончить со всеми проблемами. Будущая погоня за золотом казалась ему крайне рискованным занятием. В конце концов, рассуждал он про себя, лейтенантские погоны – не такой уж плохой итог погони за индейцем.

Пытаясь удержать цель, Снок чуть надавил на окурок. Капля пота скользнула по его реснице и замерла в уголке прищуренного правого глаза. Снок чертыхнулся и вытер рукавом лицо...

– Послушай, Чинганчгук, может быть, мы с тобой все-таки договоримся? – Джонс с особым нажимом произнес последнее слово.

– Договоримся о чем?

– О дружбе, – Джонс присел на валун и снова попытался братски улыбнуться индейцу. – Как видишь, я откровенен с тобой и не собираюсь хитрить. Говорят, на Золотой Речке есть такие места, где, споткнувшись об один кусок золота,

можно запросто разбить себе голову о другой.

– На Золотой речке можно и в самом деле разбить голову. Но золота там нет.

– А что ты скажешь на то, что месяц назад в сумке мертвого Хорбоди нашли кусок золота ценой две тысячи долларов? Все знают, что он возвращался с Золотой Речки.

– Это был не самородок и не золотой песок. Это была золотая чаша.

– Я знаю. Но главное, что это было золото.

Полковник Дадли вдруг заметил, что им больше не интересуются. Розовые огоньки в его глазах окончательно угасли. В них остался только пепел.

Мальш Бредли отвесил подзатыльник Сноку и отобрал у него винчестер.

– Я убью тебя, если ты выстрелишь! – зло прошипел он в ухо товарища.

– Послушай, Мальш... – жалобно начал Снок.

– Заткнись, слизняк!

Бредли приник к земле и осторожно выглянул из-за валуна...

– Именно со мной ты сможешь легко уйти от погони, Змей, – между тем продолжал Джонс. – Кому как не мне знать все солдатские уловки?

– Мне они тоже хорошо знакомы.

– Значит, ты считаешь, что мне нечего тебе предложить? –

Джонс нервно рассмеялся. – Нет, Чинганчгук, я тебе все-таки нужен. Уж если мне суждено подохнуть здесь, то я подохну вместе с тобой. Я не дам тебе уйти отсюда!

– Вы забываете, что у меня есть один патрон. Когда солдаты уйдут, я потрачу его на вас, а потом отпущу мистера Дадли. В принципе я ничего не имею против него.

– Ты дурак, индеец! Солдаты не уйдут, – в голосе бывшего лейтенанта уже легко угадывались нотки раздражения. – Бредли и Снок решили сделать себе карьеру. После того как полковник отправится на тот свет, – а он отправится туда в любом случае, – они рассчитывают заняться твоими пятками и разузнать все о Золотой речке.

По телу полковника прошла волна дрожи, но не прежней мелкой, а примерно такой, которая пробегает по шкуре лошади, когда на нее садится смертельная муха це-це. Полковник когда-то был в Африке и видел, как бьются в судорожной агонии потные, дрожащие от страха лошади. Впрочем, взгляд самого сэра Дадли в данный момент уже мало чем отличался от взгляда бедных животных в их последние минуты жизни.

– Вы плохо воспитали своих подчиненных, сэр, – с укоризной заметил полковнику Чинганчгук. – Вы ничего не возрастили в их сердцах, кроме искренней нелюбви к себе. Что же касается вас, Джонс, – индеец перевел взгляд на бывшего лейтенанта, – теперь я начинаю понимать, о чем вы пытались договориться там, внизу.

– Перестань болтать, индеец! Ты согласен?

– Глупо... – Чинганчгук провел ладонью по голому бедру и еще раз повторил. – Глупо!

– Что глупо, черт бы тебя побрал?!

– Я забыл свой табак.

– В спальне своей любовницы? – съехидничал Джонс.

– Нет, в своем вигваме. Я уверен, после ухода от туда Дикой Лозы, там не останется ни одной целой вещи.

– Вигвам-то хоть останется?

– Не уверен...

Чинганчгук встал и старательно растер затекшую спину.

– У вас есть оружие, Джонс?

– Только нож.

– Этого будет достаточно. Вы все равно отвратительно стреляете. Сейчас мы обменяемся с тобой местами.

– Не понял.

– А что здесь непонятного? Вы станете на мое место, и будете держать полковника, – Чинганчгук кивнул на Дадли. – Вернее поддерживать. Мне нужно хорошенько оглядеться по сторонам и проверить что там за вершиной горы.

Скользя ногами по крутому каменистому склону, Джонс спустился ниже и почти вплотную приблизился к Чинганчгуку.

– Нам нужно уходить быстрее, Змей, – сказал он – Смотри туда.

Давно не мытый палец Джонса ткнул в сторону подножия

горы. Два отделения солдат не спеша расходились в разные стороны.

– Они все-таки решили взять нас в кольцо, – сказал Джонс. – Бредли и Снок не могут сидеть без дела и просто ждать темноты. Им нужно будет объяснить Кейману, какие именно действия они предприняли для того, что бы спасти своего командира.

Чинганчгук нахмурился.

– Полковник сможет вернуть солдат?

– Теперь уже нет. Со Сноком он бы еще справился, но не с подлецом Бредли.

– Мне это не нравится. Откуда мне знать, что это не спектакль, которые вы решили разыграть передо мной, что бы спасти полковника?

– О, Боже, но должен же быть предел человеческому вероломству! – взорвался Джонс.

Внизу грохнул выстрел. Пуля ударила в валун примерно в метре от головы полковника и с противным визгом ушла вверх. Потом послышалась ругань Снока и звук оплеухи.

– Вы должны стать на мое место, лейтенант, – твердо сказал индеец.

– А дальше?

– Я уже говорил об этом. Я поднимусь на вершину горы и если увижу, что дорога свободна, дам вам знак. Допустим, сброшу камень. После этого вы присоединитесь ко мне.

Джонс молча кивнул головой и, сжав в руке нож, шагнул

к Дадли. Полковник взвизгнул и метнулся в сторону. Джонс быстро подбежал к своему бывшему командиру и, перехватив ему шею левой рукой, с трудом поднял на ноги.

– Я готов и жду, индеец. Теперь дело за тобой.

Чинганчгук оценивающе осмотрел застывшую перед ним пару. Она представляла собой классическое положение «жертва – заложник». Стоявший впереди бледный как полотно Дадли почти не сопротивлялся обхватившему его сзади Джонсу.

Чинганчгук удовлетворенно кивнул.

– Ничего не делайте с полковником без моей команды. Иначе мы погибнем.

– Я понял. А теперь поспеши, у нас мало времени.

Большой Змей бросил последний взгляд на Дадли. Полковник тихо хрипел, судорожно цепляясь за руку, сжимавшую ему горло. Локоть Джонса, словно выпяченный вперед гигантский кадык, то медленно опускался под тяжестью тела Дадли, то быстро, рывком, возобновлял свое прежнее положение.

Чинганчгук отвернулся и быстро, с кошачьей ловкостью, побежал вверх по крутому склону.

– Как вы себя чувствуете? – усмехаясь, спросил у полковника лейтенант Джонс. – Надеюсь не очень плохо?

– Отпусти... Идиот!. – Дадли говорил с трудом, но, тем не менее, Джонс, к своему изумлению не уловил в его голосе прежней нотки страха или отчаяния.

Джонс приставил нож к правой лопатке полковника и слегка на него надавил.

– А если не отпущу? Вы прикажете меня арестовать?

– Ты... Ты кретин!

– Нет, полковник, я умный и я выживу. В отличие от вас.

Из крепко сдавленного горла Дадли вырвались странные звуки чем-то тоже очень напоминающие смех. Джонсу стало не по себе. Он чуть сильнее надавил на нож.

– Вы симулируете сумасшествие, полковник? – грубо спросил Джонс. – Думаете, что у меня не хватит силы воли, что бы поднять руку на сумасшедшего старика?

– Ты... И в самом деле идиот! Сейчас же отпусти меня...

Болван! – полковник резко рванулся в сторону.

По мимо воли Джонс ослабил свой захват. Бесстрашие полковника смутило его.

– Вы начинаете мне нравиться, сэр, – вяло улыбнулся Джонс. – В вас наконец-то проснулся мужчина?

Полковник, пошатываясь, сделал несколько шагов и грузно сел.

Джонс посмотрел наверх. Вот-вот Чинганчгук должен был подать сигнал.

– Ждешь, лейтенант? – лицо полковника искривила безобразная усмешка. Ничего подобного Джонс еще ни разу не видел. Перед ним сидел другой человек.

– Жду, сэр, – Джонс растерянно посмотрел на свои ботинки и зачем-то отряхнул грязные колени.

– Ну, жди, жди... А со мной что решил сделать? Убить?

– Убить? Пожалуй, нет... – голос Джонса звучал довольно неуверенно. – Живите, вы мне уже не мешаете. Я попытаюсь найти себе другую дорогу в жизни и больше никогда не встречаться с вами.

Дадли расхохотался.

– Какая тирада!.. Ты знаешь, лейтенант, я только что мимоходом побывал там, – полковник ткнул пальцем в небо. – И должен тебе сказать, что смерть не заслуживает того страха, который она старается вызвать. Она проще и к тому же отлично прочищает мозги. Эта чертова Большая Змея провела нас всех вокруг пальца.

– Сэр, вы сошли с ума!

– Я? Нет. Это мы все сошли с ума, – полковник зарычал и, что было силы, ударил кулаком по валуну. – Неужели ты до сих пор не понял, что индеец удрал?!

– Ну, разумеется, сэр. Скоро уйду и я.

– О, Боже, просвети этого болвана также, как ты просветил меня! – Дадли воздел руки к небу. – Ты даже не идиот, Джонс, ты последний идиот. Этот начитавшийся французских романов краснокожий обманул нас как слепых щенков, неужели ты до сих пор этого не понимаешь?!

Бывший лейтенант вдруг почувствовал страх, при чем такой, какой испытывает человек, идущий по тонкому льду. Это было почти физическое ощущение скрытой, но вот-вот готовой распахнуться бездны.

– Полковник, вы блефуете!..

Дадли открыл рот, но не найдя нужных слов, нашарил возле себя небольшой камень и с силой запустил его в Джонса. Камень ударил лейтенанта в колено. Джонс вскрикнул и присел от боли.

– Очнись, недоносок, индейца уже нет!

Джонс открыл рот, собираясь сказать что-то, но так и застыл.

– Дошло? – рявкнул полковник.

Лейтенант закрыл рот и с трудом сглотнул слюну.

– Вы хотите сказать, что...

– Да, идиот! А, кроме того, сейчас мы находимся в руках своих же собственных солдат, которым наша смерть не сулит ничего кроме выгоды.

Джонс побледнел.

– Этого не может быть, сэр... – леденея душой, начал он.

– Может. Но пока наши ребята не знают, что индеец удрал, у нас есть шанс удрать самим.

Джонс снял с головы кепи.

– Сэр, я не знаю, сможете ли вы когда-нибудь простить меня...

– Наденька свою фуражку, сынок, – быстро оборвал лейтенанта Дадли. – Если Малыш Бредли догадается, что мы с тобой нашли с тобой общий язык, он попросту пристрелит нас без всяких церемоний.

Через пять минут запыхавшийся Дадли и Джонс были на

вершине Лысой Горы. Они увидели, что посланные в обход отделения почти завершили свой маневр. Оставалась лишь небольшая щель, в которую еще можно было проскользнуть.

Делая очередной шаг, Джонс споткнулся, под его ногой что-то металлически звякнуло о камень. На земле лежал брошенный кольт, а рядом с ним разряженный патрон, из гильзы которого торчал листок белой бумаги. Джонс вытащил записку из гильзы и быстро пробежал ее глазами. Когда он кончил читать, толстая спина Дадли маячила уже метрах в двадцати.

Джонс поднял глаза к небу и мысленно проклял себя за то, что не прочитал в жизни ни одного французского романа.

Где-то у горизонта громыхнул гром. Надвигалась буря.

Сутулясь, Джонс побежал за полковником...

РАССКАЗЫ

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ»

Побег

Белое солнце пустыни клонилось к горизонту. Вдоль строя пленных рыцарей одетых в грязное нижнее белье прохаживался толстый, безбородый человек в чалме.

– Ну, что?.. – строго спросил толстяк. – Еще никто не решился?

Барон фон Борг ковырнул горячий песок большим пальцем ноги и поднял глаза. Над головами рослых наемников-янычар красовался лозунг: «Добро пожаловать в евнухи халифа Багдадского!»

– Мы предлагаем вам свободу, господа, – вкрадчиво заметил толстяк. – И пять золотых жалования. А потом вы сможете устраивать рыцарские турниры, в присутствии дам из гарема.

В строю янычар тихо гоготнули. Барон Борг снова пошевелил пальцем ноги и наступил на хвост пробегающей мимо ящерице. Та огрызнулась, отбросила хвост и убежала.

«Вообще-то, у ящериц это проще», – подумал барон.

Строй рыцарей угрюмо молчал.

– Еще три дня на размышление и поговорим по-другому, – повысил голос толстяк. – А теперь марш в барак!

В бараке было тесно и душно. Герцог Ларошский сидел на нарах и задумчиво рассматривал свой огромный кулак.

– Янычар пересчитали? – спросил он.

– Да, – отозвался кто-то. – На этот раз их не меньше сотни.

– Пятерых беру на себя! – рявкнул герцог.

– Я троих могу... – неуверенно сказал фон Борг.

В последнее время из-за голодного пайка барон заметно сдал. Кроме того, у всех ухудшалось настроение, ведь бежать из плена было практически неаפשרимо.

Неожиданно в дальнем углу барака зашуршал песок. Раздался тихий женский чих. Мужчины оглянулись... Из песка торчала женская головка в чадре.

– Неверные, да?.. – робко спросила голова, готовая тотчас нырнуть вниз.

– Сама ты знаешь, кто?! – зарычал было герцог Ларошский.

На предводителя зашикали. Переговоры со странной посетительницей заняли довольно много времени. В конце концов, выяснилось, что тридцать жен халифа багдадского с удовольствием подали бы в суд на своего любвеобильного супруга. Но жюри присяжных состояло из евнухов и женщины не надеялись выиграть дело о разводе.

– Спросите ее, куда подземный ход ведет? – пробубнил из-за спин товарищей герцог.

– Сначала – замуж! – твердо сказала женщина.

– Ни фига себе, условие!.. – снова возмутился герцог.

Герцогу снова дали понять, что ему совсем не обязательно принимать участие в переговорах, ведь демократическая

рыцарская среда могла легко выдвинуть нового лидера. Излишне эмоциональный герцог открыл было рот, чтобы напомнить друзьям по несчастью о рыцарской чести, но кто-то сильно толкнул его кулаком под ребра.

Переговоры продолжились. Как оказалось, подземный ход вел прямо в гавань. Напротив пленных выстроились тридцать жен халифа. Путь к свободе лежал через честное, рыцарское слово.

– Ладно, мы согласны, – сказал герцог. Он старался не смотреть на женщин. – Даем слово!..

Рыцари устремились к подземному ходу.

В гавани толпа пленных легко смяла охрану и ворвалась на галеру халифа багдадского.

– Круши, братва! – весело ревел герцог Ларшский, размахивая обломком реи. – Бей их!..

Сонные янычары охотно прыгали за борт. На берегу робко жались друг к другу бывшие жены халифа. Герцог Ларошский так ни разу и не взглянул в их сторону. Когда бой закончился, он приказал поднять паруса, и очень скоро галера резво пошла к выходу из гавани.

– А ты это... Зачем, дурак?! – удивился герцог, увидев барона Борга, нежно прижимающего к груди маленькую женщину в черном.

Морской ветер озорно приподнял чадру, и на секунду перед изумленным взглядом герцога предстало лицо неземной красоты. Личико смущенно покраснело и маленькая, сбитая

до крови, рука одернула чадру.

– Я на руки ее посмотрел, – улыбнулся барон Борг. – А потом понял, что некрасивая или дура рыть подкоп не станет. Зачем он ей?..

Женщина барона обхватила его за шею и что-то доверчиво зашептала на ухо.

– Не бойся, никто тебя не тронет, – сказал барон. – Я же с тобой.

Герцог Ларошский почесал затылок и посмотрел на берег.

– Что застыли?! – рявкнул он на товарищей – А ну, разворачивайте эту калошу к берегу!

На берегу рыцари торопливо расхватили женщин. Галера снова устремилась к выходу из гавани. Но время было потрачено, и вскоре чей-то тревожный голос крикнул:

– Корабли халифа на горизонте!

Рыцари бросились разбирать оружие. Женщин разместили на нижней палубе для гребцов. Герцог выбрал дубинку побольше и стал рядом с бароном.

– Лица своей еще не видел, но руки у нее, брат!.. – восхищенно шепнул он товарищу. – Я таких нежных пальчиков в кровавых мозолях сроду не видел.

Стая кораблей халифа неуклонно приближалась. Неожиданно на палубе для гребцов вдруг защебетали женские голоса, и тяжелые весла с плеском опустились в воду. Галера заметно прибавила ходу. Весла ритмично взмывали вверх, снова ныряли в воду и гнали вперед неуклюжую посудину.

Один из кораблей халифа вырвался вперед. Остальные словно застыли на месте.

– Уже легче, – объявил герцог товарищам. – По одному, значит, гостей встречать будем! Устоим, братва?!

– А как же!.. – рявкнул первым борон Борг.

– В кашу всех!..

«Правильно, – подумал герцог, отыскивая любящим взглядом фигурку в три погибели склонившуюся над толстым и тяжелым веслом. – Куда ж мы теперь денемся-то, а?!..»

Коварство и любовь

Пленный рыцарь-барон фон Ганс Бумбах ползал по полу тесной каморки-камеры. Тещин подарок – толстый, вязаный носок – провалился как сквозь землю. Отчасти барону мешала темнота, – в окошко камеры пробивался лишь узенький лучик света, – отчасти он попросту туго соображал спросонья.

– Быстрее! – рявкнул рослый охранник.

«Нашли, значит, ребята на кого меня обменять, – лихорадочно соображал барон. – Наверное, во время вылазки бабенбергцев, сцапали какого-нибудь...»

Бумбах смог найти носок только после того, как охранник ткнул его пониже поясницы тупым концом копья.

«Да, тут не дома, понимаешь, – философски подумал ба-

рон. – Здесь до обеда не украдешь на кухне куриную ножку и не обнимешь жену за тоненькую талию...»

Вспоминая о жене, барон немного взгрустнул и вдруг понял, как сильно соскучился по Изольде. У его жены был веселый и взбалмошный нрав. Молодая женщина любила балы и королевские обеды. Тем не менее, она нашла время для поездки к мужу на войну.

– Солнышко мое, я так больше не могу! – первым делом ласково шепнула красавица в ухо барона. – Сколько можно с воевать с этими противными бабенгерцами?!

Потом женщина вдруг заявила, что ни за что не вернется домой одна...

Обмен пленными между защитниками Бабенбергского замка и крестоносцами ордена Правой Подвязки Его Величества как всегда происходил на крепостном мосту.

Барон Бумбах близоруко щурил глаза, всматриваясь в шедшую ему навстречу изящную фигурку. Его невольно интересовало на кого же его меняют.

«Елки-палки, да это баба, что ли?!...» – удивился он.

Барон замер. Охранник ткнул его кулаком между лопаток. Барон не сдвинулся с места. Между тем красавица быстро прошла мимо, даже не взглянув на барона, и исчезла за воротами замка.

– Да что же это такое, а?! – взревел, пришедший в себя Бумбах. – Где же это видано что бы меня, рыцаря, меняли

на мою же собственную жену?!

Подбежавшие товарищи барона схватили его за руки и потащили в сторону лагеря. Бумбах рычал от бешенства и отбивался до тех пор, пока его не втокнули в палатку магистра ордена.

– Ты!.. – Бумбах ткнул пальцем в магистра. Он задышался от ярости и не находил нужные слова. – Ты!..

– Ну, я, – нехотя согласился магистр и поморщился так, словно у него заболели все зубы сразу. Он не без горечи усмехнулся и спросил: – А что я-то?..

– Убью! – пообещал барон.

Он попытался броситься вперед, но в него тут же снова вцепилась охрана.

– А за что меня убивать-то? – тоже перешел на крик магистр. – Это все Изольда сама придумала. Мол, я за своего мужа хоть в ад пойду!

– Дуэль! – рявкнул Бумбах. Он изловчился и ткнул магистра кулаком в глаз.

Охрана повалила буйного барона на пол. Магистр потрогал пострадавший глаз, но не стал ругаться, как сделал бы на его месте любой уважающий себя рыцарь, и даже не принял вызова на поединок.

– Ты пойми, дурень, – спокойно заговорил он, – я же твою Изольду каждый день из лагеря выпроваживал. А она?.. Неделю на крепостном валу вертелась... Дура красивая! Ну, и дождалась – сам герцог Бабенбергский на нее полюбовать-

ся вышел. Заманила его она, короче говоря... Вот и обменялись: Изольду – герцогу, а тебя – к нам. Усек?

– Герцога тоже убью! – пообещал барон. Его голос из кучи тел на полу звучал так, словно барона уже посадили в инквизиционный подвал.

– Может быть, связать его? – спросил один из охранников.

– Не нужно, – отмахнулся магистр. – Выкупайте его, накормите и дайте вина. Много вина!.. Это для него сейчас просто необходимо.

Вечером магистр пришел к брошенному сараю, в котором заперли барона. Он присел возле решетчатого окна и громко, обиженно сказал:

– Так как ты настоящие товарищи не поступают.

– Правильно, – донесся из-за окошка глухой голос барона. – А знаешь, как надо поступать? Ну-ка, встань.

Магистр послушно встал. Из-за решетки высунулся конец оглобли и ткнул его в глаз.

Два дня магистр (уже получивший кличку Одноглазый за повязку на физиономии), без просыпу пил в своей палатке. Окончательно озверевшего барона Бумбаха кормили при помощи лопаты, осторожно просовывая ее в окошко.

Утром третьего дня ворота Бабенбергского замка тихо скрипнули, и на мост вышла красавица Изольда. Женщина молча прошла мимо удивленной охраны в лагере осаждаю-

щих и направилась напрямиком в палатку магистра.

– А, это ты?.. – безразлично спросил магистр, наливая в кубок вино. – Как там тебя?.. Изо льда, что ли?.. Или Изольда? – магистр всхлипнул и постучал пальцем по рыцарскому шлему на столе. – Ведь какой рыцарь раньше твой муженек был, а?!.. Прямо железный!

– Где он? – коротко спросила красавица.

– Где ж ему быть? – магистр махнул рукой. – В сарае бесится...

Встреча темпераментного барона и красавицы-жены прошла на удивление тихо. Барон сидел на опрокинутом свином корыте и исподлобья с болезненным любопытством смотрел на женщину. На его лице одновременно было что-то беззащитное, точнее говоря почти детское и трагическое, и в то же самое время в глазах барона светились темные искорки безумия.

Изольда поцеловала мужа в щеку и присела рядом.

– Ну, давай, признавайся, что ли... – прервал зловещее молчание барон.

Женщина улыбнулась и взяла в ладони огромную руку мужа. На ладонь барона лег огромный, прохладный алмаз. Барон не поверил своим глазам. Алмаз сиял так, словно не отражал свет, а сам рождал его.

«Самой прекрасной и самой недоступной женщине на свете», – прочитал барон готическую вязь на золотой оправе.

– Это откуда? – удивленно спросил он.

– Это подарок, – улыбнулась женщина. – Короче говоря, любимый, я так и не согласилась выйти замуж за герцога Бабенбергского.

– Почему?! – еще больше удивился барон.

– Видишь ли, любимый, я уже замужем.

Барон немного подумал.

– И это единственная причина? – осторожно спросил он.

Женщина пожала плечами.

– А какую тебе еще нужно?.. Как говорится, какой ты ни есть, а все-таки муж.

...Боевые действия увяли. Отвергнутый красавицей Изольдой герцог Бабенбергский больше не показывался на стенах замка. Защитники замка, обидевшись за своего предводителя, ругали осаждающих рыцарей последними словами и призывали их к драке. Крестоносцы ордена Правой Подвязки Его Величества не отвечали ни на слова, ни на вызовы и смущенно прятали глаза.

– Вот что, ребята, – наконец заявил Одноглазый магистр барону Бумбаху и его красавице-жене. – Валите вы домой и не травите людям души. Тут война, понимаешь, а не салонные фигли-мигли.

Барон нехотя погрузил нехитрый скарб на телегу и попрощался с товарищами. Боевой конь с нагруженными на него доспехами плелся сзади. Его унылый вид совсем не трогал сердца барона, потому что тот о чем-то сосредоточено думал.

– А, вообще-то, я бы тоже тебя отпустил, – вдруг сказал жене барон. – Пришла сама?.. Сама! Замуж не захотела? Не захотела. А мы, рыцари, что, варвары, что ли?

– Я никогда не сомневалась в твоём благородстве, дорогой мой, – улыбнулась Изольда.

– Не в благородстве тут дело, – отмахнулся барон. – Тут все дело в тебе... Ох, и хитра же ты, как оказалось!

– Что-что? – притворно удивилась красавица.

– Ничего, – барон подстегнул лошадь. – Кокетка ты несчастная!

Женщина прильнула к мужу и поцеловала его в шею.

– Но я же только тебя люблю. А если бы тебя вдруг увезли далеко-далеко, я все равно поехала за тобой, понимаешь?

– Не дурак, понимаю, – кивнул барон. – А вот если бы, к примеру, меня к маврам увезли, ты бы за мной поехала?

– Да.

– И даже к сарацинам?

– Конечно.

Барон вдруг поймал себя на мысли, что ему пора бы прекращать ездить в рыцарские командировки, а в заграничные особенно.

– Да, не завидую я герцогу, – сказал вслух барон. – Теперь вот он даже о драке, бедняга, забыл. Проняло, значит. И алмаз дарил... Мальчишка!

– Действительно, совсем еще мальчишка, – красавица улыбнулась, и ее улыбка тут же стала чуть-чуть виноватой. –

Но он скоро все забудет...

Барон скользнул глазами по лицу жены и усмехнулся.

– Да уж, забудешь такую как ты... Как говорится, держи карман шире. Ух, и каверзная же ты женщина, Изольдочка!

Потерявший голову от любви герцог Бабенбергский скоро немного пришел в себя и возобновил боевые действия. Защитники крепости совершали вылазку за вылазкой, а возглавляющий их юный герцог, казалось, искал случая потерять голову уже не в переносном смысле, а в самом прямом. В одной из яростных схваток Одноглазый магистр оглушил герцога профессиональным и щадящим ударом по шлему. Оставшись без предводителя, бабенбергцы отступили в замок.

Вечером того же дня два рыцаря-крестоносца принесли к воротам замка носилки. На них лежал бледный герцог. Как это не удивительно, но рыцари отдали своего главного врага не то что без выкупа, а вообще без переговоров.

А уже ночью, Одноглазый магистр напился вместе с командирами и в рыцарском лагере всю ночь распевали песни о прекрасных дамах:

...Пускай она другому отдана,
И разъезжает в золотой карете,
Я помню девочку с власами цвета льна
И нет ее прекрасней в целом свете!..

Глупые слова не менее глупой песенки звучали так словно те, кто их пел, верили им. И не просто верили!.. Говорят, что кое-кто из рыцарей даже плакал. А, как известно, заставить рыцаря плакать могут только две вещи: смерть друга и незаслуженный выговор от Одноглазого магистра, который – и это тоже хорошо известно – пользуется среди рыцарей самым-самым непререкаемым авторитетом.

Несносный мальчишка

Вечерняя прогулка вдовствующей королевы подходила к концу. Огромный весенний и легкомысленный сад тонул в мрачной тени дворца. Укутанная в черную вуаль королева присела на лавочку и задумалась. Толпа придворных дам почтительно остановилась в нескольких шагах.

– Ах, бедняжка, – донесся до слуха королевы сочувственный шепот. – Она так переживает!..

Молодая женщина вздохнула и открыла нагрудный медальон. Изящный женский пальчик коснулся миниатюры, на которой был изображен одноглазый король-старик с физиономией закоренелого пройдохи. Если бы не корона на голове и горностаевая мантия, покойное Его Величество можно было легко спутать с базарным жуликом.

– Бедный Людовик!.. – королева всхлипнула и уже хотела, было прошептать «мой единственный», но порядковый но-

мер «двенадцатый» в чередѣ когда-либо царствующих Людовиков сбил женщину с толку.

Со стороны дворца послышался легкий шум. Женщина оглянулась и тут же изумленно приподняла брови: по увитой плющом стене карабкался мужчина. Чуть выше над ним ярко светилося призывно распахнутое окно в покоях маркизы де Бамбадур.

Королева поморщилась. Веселая маркиза, как оказалось, не теряла времени даром.

– Эй, вы!.. – строго окликнула визитера маркизы королева.

Мужчина вздрогнул и оглянулся. На секунду он и королева встретились глазами. У друга маркизы было совсем юное лицо и широко распахнутые наивные глаза.

«Совсем еще мальчишка», – невольнo подумала королева и вслух строго сказала:

– А ну, марш отсюда, негодник!

Юнец шлепнулся в колючие кусты. Кусты задрожали, выдавая путь, который проделывал, плотно прижавшись к земле, любовник-неудачник.

Королева гордо отвернулась, встала и пошла прочь. Пустяковое приключение заставило ее продолжить прогулку. Женщина размышляла о не совсем искреннем сочувствии придворных дам, и вдруг поймала себя на мысли, что если бы любовник маркизы был похож на ее покойного мужа, то ей было бы не так грустно... Глаза юнца были слишком чи-

сты для того, что бы в них могла смотреть такая интриганка как Бамбадур!

Королева свернула за угол дворца и едва не споткнулась от неожиданности: по увитой плющом стене карабкался все тот же юнец. Только на этот раз его целью было окно баронессы Николь.

– Черт знает что! – неожиданно для самой себя взорвалась королева. – Я же велела вам убираться,

Юнец оглянулся. В его глазах легко угадывался тихий ужас.

– Я прикажу вас выпороть, – пригрозила королева.

Юнец сорвался вниз и исчез с такой скоростью, словно за ним гналась целая свора школьных учителей с розгами.

Ворча себе под нос что-то о придворной нравственности, молодая королева направилась во дворец. Наверху тихо скрипнули закрывающиеся окна. Вызывать гнев вдовствующей королевы не хотел никто...

...Ночь была тихой и ясной. Королева лежала в постели и смотрела в широко открытое окно на звезды. Легкий ветерок шевелил шторы и приносил волнующие запахи цветов. Женщина вспомнила юнца-любовника и невольно улыбнулась.

«Однако, мальчишка очень упрям, – решила она. – Хотя и не очень разборчив. Впрочем, он еще слишком молод чтобы хорошо разбираться в женщинах...»

За окном послышался тихий шорох. Королева замер-

ла, вся превратившись в слух. Шорох повторился. В окне возникла чья-то взлохмаченная голова. Тяжело посапывая, незнакомец перевалился через подоконник и шлепнулся на пол.

– Черт! – выругался юный басок. – Скажите, пожалуйста, это спальня графини де Круси?

Весь день графиня де Круси бродила за королевой с самым скучным видом и притворно вздыхала.

«Нет, ну какая же она, оказывается, притворщица!» – подумала королева.

В комнате было слишком темно. Незнакомец встал и неуверенно направился к женскому ложу. Королева закрыла глаза и притворилась спящей. Тихое, умиротворенное посапывание подтвердило робкую догадку юнца. Он быстро разделся и нырнул под пышное одеяло.

– Ой! – громко сказала королева. – Кто тут?

– Я! – жарко ответил юнец. – Виконт де Ларош, графиня!

– Я не графиня, – улыбнулась королева.

– Извините, маркиза, я...

– И не маркиза.

– А-а-а... – начал было виконт и задумался. На всякий случай он убрал руку с пышной женской груди и подвинулся к краю кровати.

– Я служанка королевы Луиза, – быстро пояснила королева. – Вы попали в покои Ее Величества. Правда, самой королевы здесь нет и сегодня не будет.

Виконт присвистнул от удивления.

– Ничего себе!.. А, впрочем, на улице так темно.

– ...И было открыто только одно окошко, – съехидничала королева.

Виконт смело вернул руку на прежнее место.

– А ты, значит, Луиза, да? – жарко шепнул он в женское ушко. – Такая... Ну, в общем, с ямочками на щеках?

– Да. А еще все говорят, что я очень похожа на королеву.

– Тогда ты самая красивая! – жарко шепнул виконт.

– Правда?

– Ну, еще бы!..

Гость принялся деловито стягивать с женщины ночную рубашку.

– Что вы делаете?! – возмутилась королева, цепляясь за легкую ткань.

– А что же еще я должен делать-то?.. – удивился виконт.

Пощечина получилась мягкой, как поцелуй...

...Утром королева пила кофе прямо в постели. Рядом, уткнувшись носом в подушку, посапывал юный виконт. Королева покосилась на гостя и счастливо улыбнулась.

«Пусть поспит еще чуть-чуть, – решила она. – Сегодня у него будет нелегкий день...»

Виконт зевнул и приоткрыл один глаз. Прежде чем взглянуть на занятую завтраком женщину он погладил ее ножку.

– Пора вставать, любимый! – мягко сказала королева.

Виконт зевнул еще раз и, наконец, посмотрел на женское лицо... Ее Величество снисходительно улыбнулись. Подпрыгнув от ужаса едва ли не до потолка, виконт вскочил и бросился к двери. Та оказалась предусмотрительно заперта. Пытаясь открыть окно, виконт сорвал штору и получил увесистый удар багетой по голове.

– Оденьтесь, пожалуйста, дорогой, – спокойно посоветовала королева.

Виконт замер. Стараясь не смотреть на полуобнаженную женщину, он приблизился к кровати и нашарил штаны. Потом камзол... Шляпы нигде не было.

– Там... – женщина показала чашечкой кофе на шкаф.

Виконт открыл шкаф. Шляпы не было и там, но зато на одной из полок стояла слегка покрытая пылью фамильная корона Людовиков.

– Примерьте, пожалуйста, – попросила женщина.

Виконт, наконец, решился взглянуть на Ее Величество еще раз. Строгий женский взгляд не оставлял никакого выбора. Юнец надел корону на голову и она тут же съехала на ухо.

– Ничего страшного, – заметила женщина. – Кстати, вам пора идти.

– Куда? – глухо спросил виконт. – На плаху, что ли?..

– Нет, управлять государством, – королева поставила пустую чашку на столик и сладко потянулась. – А я еще посплю... Перед нашей свадьбой я должна хорошо выглядеть,

дорогой. Ключ от двери на столике.

Виконт взял ключ и немного потоптавшись, направился к двери.

– Кстати, Ваше Величество, – окликнула его женщина. – Если вы не перестанете лазить по чужим окнам, я прикажу отрубить вам голову.

Виконт посмотрел на красавицу в постели и быстро кивнул в ответ. Королева проводила жениха долгим взглядом.

«Конечно, король из него пока еще никудышный, – решила она. – Но со временем... Кто знает? Ведь кое-какие вещи у него и сейчас получаются просто отлично!»

Ее Величество женщина счастливо улыбнулась и закрыла глаза...

Хранить и защищать

Вдовствующая королева Людовика смотрела в окошко и старалась ни о чем не думать. Любая мысль, будь то о пустой казне или о бесчисленных претензиях воинственных соседей, туманила слезами и без того печальный взгляд красивой, молодой женщины.

Внизу, на первом этаже, скрипнула дверь и на улицу выглянула лукавая физиономия министра финансов. Оглядываясь по сторонам, министр на цыпочках подошел к карете и сунул по сиденье кучера мешочек с чем-то тяжелым.

– Посол Его Величества короля Сигизмунда Второго

Дерзкого, граф Пармский! – тоненько крикнул за спиной королевы голос мажордома.

За дверью послышались тяжелые шаги и бряцание рыцарских доспехов. Толстый мажордом на всякий случай попятился к распахнутому окошку.

– Три тысячи чертей! – рявкнул голос за дверью. – Прочь отсюда, канальи!

Вслед за звуком оплеухи на пол упала алебарда охранника. Двери распахнулись, и в тронный зал ввалился закованный в латы гигант с пышными перьями на шлеме.

– Где тут эта ваша?.. – гулко гоготнул в шлем посол. – Как ее?..

Королева гордо подняла голову – она не имела права бояться. Даже если бы ее вдруг потащили на плаху, этикет все равно хладнокровно требовал от женщины спокойствия и королевского величия.

Посол шагнул к королеве... Если бы не скамеечка шута, последние шаги были бы сделаны и весть, о смысле которой уже догадалась молодая женщина, была произнесена вслух. Но рыцарь споткнулся о скамеечку и вытянулся во весь свой гигантский рост на давно не чищеном паркете. Увенчанный плюмажем шлем громыхая, как пустая бочка, покатился к ногам королевы.

– Три... Нет, сто тысяч чертей! – рявкнул рыцарь, ворочаясь на полу как перевернутый на спину жук. – Это вам даром не пройдет!

Королева подошла поближе и присела на корточки. Граф сделал очередную попытку встать, но рука в железной перчатке снова скользнула по паркету, и посол стукнулся затылком возле женской тuffельки. На секунду рыцарь и женщина встретились глазами. Покрытое шрамами мужественное лицо графа покраснело от стыда.

– Я щ-щ-щас!.. – пообещал он, царапая паркет. – Щас встану!

Молодая женщина протянула руку. Прежде чем принять помощь, посол помянул недобрым словом свои шестипудовые доспехи.

– Спасибо, – мрачно сказал граф, отводя в сторону взгляд.

– Бывает... – королева смущенно улыбнулась.

Граф покраснел еще больше и тяжело сопя направился к двери – грозная речь, которую он должен был произнести, – требовала эффектного появления посла в тронном зале.

– Шапочку забыли, – окликнула королева посла.

Целую минуту граф стоял у окна в коридоре. Он приводил в порядок нервы и наблюдал за паникой в королевском замке. Жители, чиновники и воины спешно грузили подводы. Посол теребил плюмаж на шлеме, с неприязнью рассматривая бледные, перепуганные лица.

«Трусые, – подумал граф. – Тоже мне, поданные!.. Хорошего короля на вас, ребята, нет!»

Вздыхнув, посол направился в зал. Сонных алебардщиков возле дверей уже не было. Королева сидела на троне и тихо

плакала. Граф взглянул на подрагивающие женские плечи, и у него защемило сердце.

– Мой король, Его Величество Сигизмунд II Дерзкий, – на ходу и гораздо мягче, чем в прошлый раз, начал он, – объ-являет вам...

Под закованной в железо ногой снова хрустнула скамеечка. Граф взмахнул руками и прежде чем рухнуть на пол сделал несколько замысловатых танцевальных па.

– Сроду терпеть не мог шутов, – пояснил он склонившейся над ним королеве. – Одни безобразия от них в замке.

Королева кивнула и кротко всхлипнув, провела пальчиком по витиеватому лозунгу на железной груди рыцаря «Хранить и защищать».

– А у меня и не осталось никого кроме шута, – улыбнувшись сквозь слезы, пояснила она. – Только он боится... А сейчас прячется, наверно.

Граф покосился на женский пальчик.

– Да я бы таких поданных!.. – граф сжал руку в кулак и грохнул им по полу. – Они бы у меня!.. В общем, порядка у вас нет.

– А у вас хороший лозунг, – вдруг сказала королева.

– Хороший, – согласился граф. – Я же этот... Рыцарь, короче говоря. А рыцарь должен хранить и защищать.

– Кого и от кого? – грустно улыбнулась королева.

– Как кого? – удивился граф. – Этих... Как их? В общем, этих от этих... Как прикажут.

– Прикажут?.. – в свою очередь удивилась королева.

«Одна она совсем, без мужика... То есть без рыцаря, – вдруг пронеслось в голове графа. – А бабе... То есть королеве, легко ли одной? Тем более в наше-то время!»

Граф встал, осторожно опираясь на хрупкое женское плечико и, не оглядываясь, вышел из зала, захлопнув за собой двери.

– Эй, вы там, а ну закрыть ворота замка! – рывкнул он в окошко. – Всем кто бросит оружие, головы оторву! Министров и офицеров живо сюда, каналы!

Прежде чем сделать первые шаги в тронном зале граф Пармский тщательно осмотрел пол. Злополучной скамеечки уже не было.

– Вам объявляют войну, Ваше Величество, – быстро и деловито заговорил посол. – Кстати, не только мой придурак... То есть я хотел сказать Второй Дерзкий, а еще и Генрих Лысый и Витольд Курчавый. Всея толпой, понимаешь, навалиться хотят, парикмахеры...

Королева кивнула и потупилась. Граф замолчал и почесал затылок.

– А я, это самое... – уже куда более робко продолжил граф. – Три года без отпуска. Все работа, работа... О себе уже и не думаешь.

В зал просунулись несколько испуганных физиономий.

– Вызывали?.. – робко спросила одна из них.

– Заходите! – довольно грубо сказал герцог. Осмотрев

придворных, он спросил: – Министр финансов кто?

– Я... – ответил человек с лицом рыночного торговца. – Только денег все равно нет.

– Будут! – пообещал граф и показал министру бронированный кулак.

– Конечно, будут! – быстро согласился министр. – Сколько изволите получить наличными?

– А ну, смирно! – рявкнул граф на придворных. – Паникеров повешу на воротах. Всех вооружить и на стены! – граф бросил озабоченный взгляд на королеву. – Подземный ход имеется?

– А как же!..

Прежде чем выйти из зала во главе повеселевших придворных и вплотную заняться делами обороны замка, граф Пармский нежно поцеловал руку красавицы-королевы и поднял с пола сломанную скамеечку.

– Прямо партизанская скамеечка, понимаешь, – пробормотал он под нос. – Ну-с, мы еще посмотрим, кто кого!..

...Через шесть часов войска Сигизмунда II Дерзкого окружили королевский замок. Больше всего венценосного завоевателя удивило полное отсутствие паники в стане врага: то тут, то там, за зубцами крепостной стены, мелькали сосредоточенные лица защитников.

Сигизмунд велел позвать своего любимца графа Пармского, чтобы как всегда услышать его совет. Но королю принес-

ли заявление, в котором граф уведомлял своего повелителя о том, что уходит в отпуск.

«Нашел время!..» – с неудовольствием подумал Его Величество, робко поглядывая на стены.

Оттуда, из-за стен, доносился деловитый шум и веселые крики защитников. Чей-то строгий бас отдавал короткие команды...

Сигизмунд II Дерзкий вздохнул и стал подумывать о переговорах.

Без победы не возвращайся

В долине близ городишка Пуатье звенели мечи. Густой столб пыли над сотнями сражающихся рыцарей говорил о том, что битва приближается к своей кульминационной точке.

Его Величество Анри IV Отчаянный сидел за походным столиком и кушал курочку. Рядом толпились придворные.

– Ну, что там сейчас, а?.. – ни к кому не обращаясь, спросил король.

– Враг на грани поражения, Ваше Величество! – бойко отрапортовал герцог Брауншвейский. – Ваши доблестные рыцари готовы умереть за победу.

Его Величество потребовали подзорную трубу.

«Проверим, – решил король, – а то знаем мы эти придворные доклады...»

Не отрываясь от курочки Его Величество, заглянули в заботливо подставленную трубу. В размытом кружочке окуляра метались люди в покрытых пылью латах. Кони топтали сломанные штандарты. Копья чертили воздух замысловатыми кривыми...

Кончиком замащенного пальца Анри IV перевел трубу на соседний холм. Там рядом с шатром стояла ослепительно красивая женщина. Она выслушивала адъютантов на взмыленных лошадях и отдавала приказания.

«Честное слово, баба! – удивился Анри IV. – А король ихний где, а?!...»

Его Величество пошарили трубой по вершине холма. Короля противника не было видно.

«Стало быть, женщины нынче воюют – многозначительно хмыкнул король. – Вот возьму сегодня ее в плен и что делать-то с ней буду? Хотя, красивая она, конечно...»

Ваше Величество впился зубами в куриную ножку.

Закончив обед, король снова потребовал подзорную трубу. Женщина на холме ругала толпу рыцарей в пышных плюмажах. Те стояли, опустив головы. Кое-кто виновато ковырял сапогом землю. Королева махнула рукой и мимо стройными рядами промаршировали ряды копьеносцев.

«Бойкая бабенка, – улыбаясь, подумал Анри. – Нужно будет ручку ей поцеловать... После того, как в плен ее возьму. Этикет все-таки. И это... На ужин не забыть пригласить, конечно...»

Воображение услужливо нарисовало королю откровенно интимную обстановку в одной из походных палаток. В центре стояла кровать с взбитой периной. Стол с вином и фруктами маячил где-то на заднем плане.

– Ваше Величество, может быть, пустить в бой резервы? – вкрадчиво спросил герцог Брауншвейский.

Король досадливо отмахнулся, не отрывая взгляда от красавицы. Рядом с королевой рухнула лошадь с ординарцем. Женщина нагнулась и помогла встать юноше в помятых доспехах. Тот что-то жарко говорил, показывая рукой на место сражения. Королева кивнула и поцеловала юношу в лоб. Юнец подпрыгнул от радости и, вырвав повод лошади у охранника королевы, умчался прочь.

«Хоть она и баба, а ведь умеет с людьми работать, – заметил про себя Анри. – Вдохновляет, понимаешь. Молодец!»

Интимная обстановка, воображаемая королем, немного изменилась, – стены палатки украсили карты боевых действий, а кровать с периной незаметно отодвинулась в угол.

Красавица-королева неистовствовала. То тут, то там появлялись новые отряды всадников. Выслушав речь королевы, отряды уходили в бой. Лязг мечей стал заметно ближе...

«Ишь, как раскомандовалась!» – снисходительно улыбнулся Анри.

Обстановка будущего свидания помимо воли короля перетерпела новые кардинальные изменения: кровать спряталась за пышным альковом, а за столом появились несколь-

ко важных генералов. Генералы разбирали ход выигранного Анри IV сражения и делали пленнице комплименты.

«Нельзя с дамой без комплиментов, – решил король. – Не культурно...»

– Ваше Величество... – начал было взволнованно герцог Брауншвейский.

– Все резервы в бой! – не отрываясь от трубы, рявкнул Анри. – Обойти врага слева и справа, а, главное, королеву врага – в мешок и ко мне в палатку.

– Мы не можем обойти врага на указанных вами направлениях, Ваше Величество, – герцог Брауншвейский молитвенно прижал руки к груди. – Дело в том, что нас самих только что обошли.

– Тогда бейте с тыла.

– С тыла мы разбиты еще час назад, Ваше Величество!

«Женюсь! – подумал Анри, любясь прекрасным лицом королевы-воительницы. – Честное благородное слово, женюсь!»

Мимо, в сторону леса, проскакала гвардия короля.

– Куда, идиоты?! – заорал Анри.

Гвардия прибавила ходу, лошади по-собачьи поджали хвосты. Анри зарычал от бешенства и выхватил меч. Прямо на него вперемежку с собственными солдатами скакали чужие рыцари.

– Стоять! – рявкнул Анри. – Всех повешу!

Удар по голове погрузил Его Величество в глубокий,

немножко голубой, как недавние мечты, сон...

...Очнулся король в низком, сводчатом подвале. Он ощутил гудящую голову и осмотрелся. Возле зарешетчатого окошка сидел мужчина в рваном камзоле с расцарапанным лицом и сдвинутой набекрень короне.

– Тоже король? – хрипло спросил Анри.

– Король, – мужчина кивнул на потолок. – Муж я ее...
Луи Второй.

– Кого? – удивился Анри.

– Как будто не знаешь.

Анри вспомнил вдрызг проигранное сражение и королеву-воительницу.

– А тут чего сидишь?

– Недавно, брат, она меня со своей фрейлиной застучала. Представляешь?!..

Дверь заскрипела и в каморку втокнули толстяка в горностаевой мантии. Он тут же набросился на дверь и принялся колотить ее ногами.

– Вы не имеете права! – кричал толстяк. – Я – император!

– Пополнение прибыло, – съязвил Анри. – Привет, Юлий Цезарь.

Через полчаса Луи Второго вызвали на аудиенцию к королеве.

– Ты вот что... – Анри потрепал коллегу-короля по плечу и показал ему кулак. – Понял, да? Извинись перед женой

хорошенько. И, в общем, без победы не возвращайся.

– Точно, – подтвердил толстяк-император. – Я за чужие грехи тут париться не хочу.

Луи Второй вздохнул и быстро вышел.

Анри и экс-император легли на нары и устались на потолок. Вскоре сверху донесся возмущенный женский крик. Женщине никто не возражал.

– Молодец, Луи, – шепнул Анри соседу, – терпит, братан. Я так думаю, что если деваться некуда, то мы, короли, все-таки непобедимы.

– Так это когда некуда, – грустно возразил толстяк. – А вот если человек, к примеру, император?

– Если император, так лежи тихо и не выпендривайся! – убеждено сказал Анри.

Мужчины замолчали и с надеждой устались на запертую дверь...

За мной, ребята!..

Только чума за окошком может сделать рыцарский пир по-настоящему грустным. Барон фон Борг вздохнул и задернул штору окна.

Вернувшись к столу, он кисло спросил:

– Может, за дам сердца выпьем, ребята?

– Да, ну их!.. – нехотя отозвался кто-то из рыцарей за круглым столом. – И вообще, этот печальный образ рыца-

ря-меланхолика уже в печенках сидит.

Герцог фон Шнапс лениво откусил ухо молочного поросяточка, лениво пожевал и только потом взглянул на хозяина стола.

– А про чуму тебе кто сказал? – спросил он.

– Жена, – фон Борг вздохнул. – Сегодня утром сказала.

Рыцари невольно поежились. Их пир продолжался уже три дня, и новость о чуме была похожа на похмелье.

– Я вот помню, мне мой дед про чуму рассказывал, – тихо начал фон Шнапс, отодвинув в сторону блюдо с поросятиной. – Вышел как-то раз утром один рыцарь на крылечко своего замка. Смотрит рыцарь, вокруг птички поют, цветочки растут и солнышко светит. Потянулся рыцарь и говорит: «Хорошо-то как, Господи!..» А потом вдруг на землю – плюх! И Богу душу отдал. Вот тебе и чума.

– Да уж, ребята, – согласился толстый фон Драпс. – Чума пострашнее любой драки с неверными будет.

– Кстати, о неверных, – оживился фон Борг. – Помню, штурмовали мы как-то раз замок в Палестине...

Живописный рассказ воинственного барона занял больше пяти минут. Особенно тщательно и виртуозно он описывал те удары, которые получил по забралу, взбираясь на стены замка.

Разговор стал более веселым.

– А я вот помню... – начал фон Шнапс.

– Это что!.. – перебил его толстяк фон Драпс. – Мне под

Иерусалимом оба рога на шлеме отшибли. Ей-богу!..

– Да что там Палестина, ребята! – закричал молодой рыжий рыцарь. – А какая драка на Чудском озере драка была!.. Даже лед не выдержал.

– А давайте выпьем за неверных, братва? – неожиданно предложил фон Борг.

Галдеж мгновенно стих. Все удивлено посмотрели на хозяина замка.

– А что?.. – вдруг тихо спросил герцог Шнапс. – Если разобраться, то неверные не такие уж плохие ребята.

– Правильно! – согласился рыжий рыцарь.

– И вообще, мы к ним сами пристаем, – поддержал товарищей Драпс. – Мы же с вами кто?.. Да оккупанты самые настоящие. Будь я на месте неверных, я бы тоже захватчикам все рога поотшибал.

Рыцари подняли тяжелые кубки.

– За братьев-неверных! – рявкнул фон Шнапс. – И к черту чуму!

Рыцари дружно выпили и снова принялись вспоминать прежние схватки. Придремавшие было слуги еле успевали приносить из подвала вино.

– ...Помню, идем мы, значит, по Чудскому озеру, – вспоминал рыжий рыцарь. – Вдруг на нас ка-а-ак набросятся мужики с кольями! Кол, ребята, эта такая дубинка длиной метра четыре. Когда меня первый раз ей по башке стукнули, я чуть забрало не потерял...

– ...А вот я помню, как-то раз в пустыне от нашего отряда отбился. Жара, просто ужас какая!.. Смотрю, еврей с кувшином идет. Я хриплю: «Воды!» Еврей мне говорит: «Купи!»

– ...Я, когда из проруби первый раз вынырнул, мне опять ка-а-ак дадут по башке этой чертовой дубинкой!..

– ...Так я, ребята, этому еврею не только латы, а даже подштанники продал. Ну и цены у них в пустыне на воду!

За окошком громко заскрипели подъемные ворота. Разговор оборвался, и все дружно посмотрели на хозяина застолья. Фон Борг быстро встал и направился к выходу: даже самый гостеприимный хозяин не решился бы впустить в свой замок путника, зная, что за стенами дома свирепствует чума.

Возле ворот фон Борг нос к носу столкнулся со своей симпатичной женой Матильдой. Женщина только что вылезла из бронированной кареты и, улыбаясь, весело болтала с придворными дамами.

– Ты, где это была? – удивился фон Борг.

– К маме в гости ездила, – неохотно пояснила женщина.

– Так ведь, это самое... Чума же там! – воскликнул барон, кивая на ворота.

Молодая женщина слегка покраснела.

– Нет никакой чумы, милый, – тихо сказала она.

– Как это нет?!

– Я тебе наврала, – Матильда покраснела еще больше. – Просто мне надоели твои ежедневные отлучки. Сколько можно драться, дорогой?!

Барон заморгал глазами и попятился в сторону зала.

– Опять, да?! – громко закричала женщина.

Барон повернулся и побежал. В зал фон Борг ворвался в зал с быстротой поднятого с лежки молодого кабана.

– Ребята!!.. – гаркнул барон.

Сидевшие за круглым столом рыцари оглянулись.

– Нет никакой чумы!!

Несколько секунд за столом царила полная тишина. Последовавший за ней дружный, радостный и пьяный вопль был похож на взрыв. Рыцари бросились к сваленным возле стены в кучу латам, щитам, мечам и шлема. Путая свое с чужим, они быстро напялили доспехи и устремились к выходу.

– За мной, ребята! – восторженно кричал герцог Шнапс, размахивая щитом с гербом барона Драпса. – Ух, и оторвемся щ-щ-щас!!..

Сорвав с петель подъемные ворота, толпа вырвалась на волю...

Матильда фон Борг выглянула из окошка своей спальни только через час. Близлежащая деревушка уже весело горела. Оттуда доносились радостные вопли мужа и его гостей. Чуть ближе к замку, в свете горящего стога сена, крестьяне лупили черенками лопат рыжеволосого рыцаря.

Женщина вздохнула и потушила свечу.

«Видно, с этими мужчинами ничего не поделаешь», – решила про себя Матильда, укладываясь в постель.

Уснула женщина очень быстро...

Записки верного оруженосца

ПОНЕДЕЛЬНИК. Сегодня мы с Хозяином прибыли в лагерь под Ла-Рошелю. В лагере двести палаток и шестьсот жеребцов не считая рыцарей.

ВТОРНИК. Хозяин, отмечал встречу с друзьями. Напились до чертей. Дальше, кажется, пили вместе с чертями. Иначе просто нечем объяснить, куда пропали четыре бочки вина...

СРЕДА. Я сегодня весь день работал, а Хозяин в это время похмелялся с друзьями. Одним словом – средние века!.. Так что ни о каком равноправии не может быть и речи. Кстати, по-моему, молчание человека при тоталитаризме всегда выразительнее любых его слов при демократии.

ЧЕТВЕРГ. Мне предложили сто золотых за то, что бы я слегка согнул копьё Хозяина. И это за неделю до основного рыцарского турнира! Пока ведь идут только тренировочные схватки. Господи, а какие же деньги будут предлагать нашему брату оруженосцу перед началом турнира?!..

ПЯТНИЦА. В лагерь прибыл целый табунчик дам сердца. Во время их проезда рыцари устроили веселую свалку у дороги. Признания в любви так и сыпались со всех сторон. А вечером рыцарская братия потихоньку расхватала служанок принцесс и герцогинь. Короче, ночью дамы распевали

тоненькими голосками баллады о любви, а из палаток рыцарей доносился методичный и более чем эротический скрип походных кроватей. Какая циничная гармония!..

ВОСКРЕСЕНИЕ. Хозяин, барон фон Хрюш и герцог Кроссвордский спяну изобрели седло-катапульту. Смысл изобретения очень простой – когда рыцарь по тем или иным причинам не может увернуться от удара копьем, он нажимает кнопку и его подбрасывает в воздух. Седло-катапульту испытывал барон фон Хрюш. Было очень весело. Как ни старался толстый барон, но ему так и не удалось ни разу приземлиться на собственную лошадь.

ВТОРНИК. Хозяин послал меня с запиской к даме сердца. Я заблудился в лагере и наткнулся на походную статую короля с протянутой вперед рукой. Решил пойти туда, куда указывало Его Величество. В результате вышел на площадь, а там палачи пытаются какого-то типа. Бр-р-р!.. Плюнул и пошел в прямо противоположном направлении. Наткнулся на веселый кабачок с женщинами. Ух, и погулял!.. Вывод напрашивается сам собой: Его Величество человек, конечно, неплохой, но верить ему нельзя.

P.S. Домой вернулся только поздно ночью и изрядно выпимши. Хозяин спросил про записку. Да отдал я ее, отдал! Правда, не помню кому...

СРЕДА. Цены на тайные услуги оруженосцев растут. Сегодня мне предлагали двести золотых за то, чтобы я подрезал перед схваткой подпругу на седле Хозяина. Кстати, какая-то

темная личность предлагала мне грохнуть и самого Хозяина, но давала за работу только двадцать золотых. Долго думал: подрезать подпругу можно несколько раз, а найти нового Хозяина не так то легко. Вывод: Хозяев нужно беречь!..

P.S. Хозяин вернулся домой со свидания с расквашенной мордой. Долго искал меня. А я что дурак, что ли?.. Я в кабачке переночевать могу.

ЧЕТВЕРГ. Услышал, что ученые-алхимики изобрели какое-то страшное оружие – порох. Этот чертов порох засыпают в бочку, потом поджигают просмоленный шнур и через пару минут ка-а-ак жажнет!.. Говорят, одна бочка этого зелья может отправить на тот свет десяток рыцарей и еще сто человек в придачу. Очень и очень любопытное оружие.

P.S. Узнал, что «сто человек в придачу», о которых я говорил выше, как правило, оказываются оруженосцами. Кошмар!.. Какое варварское оружие массового поражения оруженосцев!

ПЯТНИЦА. Итак, рыцарский турнир начался. Вокруг царит ужасный азарт. Ставки просто бешенные. Дамы сердца по-разбойничьи освистывают проигравших и делят между собой победителей. Сегодня у этих красоток дело дошло до драки. Я поставил на толстую дочь герцога и проиграл два золотых. Не везет!..

ВОСКРЕСЕНИЕ. Хозяин остался без гроша. Что ни говори, а вино, карты и женщины никогда не приносили дохода. Хозяин сидит в палатке и хлещет вино, которое я выпра-

шиваю в долг. Поделился с ним кое-какими соображениями. Хозяин выслушал меня очень внимательно...

ПОНЕДЕЛЬНИК. Готовимся с Хозяином к завтрашнему поединку. Работы очень много. Вечером пересчитывали полученные деньги. А неплохо мы подзаработали!..

ВТОРНИК. Нет, нужно все-таки было видеть появление моего хозяина на поле для схватки!.. Чего только стоило только согнутое копьё, за которое мы получили двести золотых! А щит, у которого оторвалась ручка едва только Хозяин чуть приподнял его?!.. Это еще триста золотых. О скрипучих, дырявых латах, одетом задом наперед шлеме я уже не говорю. Противник Хозяина, герцог Кроссвордский, тоже решил подзаработать. Едва рыцари поскакали навстречу друг другу, как вдруг сработали катапульты и оба поединщика полетели навстречу друг другу уже без помощи лошадей. Толпа взвыла от восторга. Рыцари столкнулись в воздухе и шмякнулись на землю. Мой Хозяин свалился на герцога и был объявлен победителем.

СРЕДА. Какое хамство! Хозяин дал мне только десятую часть от заработанных денег и это его благодарность за мою верность!.. Ведь если разобраться, то я мог заработать эти деньги и без его участия. Господи, пожалуйста, сделай так, что бы эти чертовы средние века побыстрее закончились. И уж тогда мы посмотрим, нужен ли человеку Хозяин, если он, при помощи честного бизнеса, сумеет зарабатывать деньги без его помощи!

И на деревьях растут листочки

Прежде чем постучаться в дубовые ворота замка викинг Хрюринг поправил шлем. На шлеме не хватало одного рога, и тяжелая железная шапочка то и дело съезжала на ухо викинга.

– Кому там по физиономии захотелось? – грубо спросили изнутри.

– Открывайте, свои! – рявкнул Хрюринг.

– Мы, вообще-то, и своим дать можем... – огрызнулся голос.

Ворота заскрипели. Два рослых воина недоверчиво осмотрели гостя.

– Хозяин дома? – буркнул Хрюринг.

– После вчерашнего дрыхнуть изволят...

Упоминание о вчерашнем отозвалось в голове хмурого викинга сильной болью. Он чертыхнулся и зашагал в покои своего друга эрла Хельга.

Хельг сидел на смятой постели ипил рассол.

– Помогает? – недоверчиво спросил Хрюринг.

– Да как сказать... – хозяин замка поставил на стол кубок и посмотрел на гостя. – Кстати, рог тебе, где обломали, братан?

– Вчера, а где не помню, – Хрюринг вздохнул. – Мухоморы проклятые!

– Опохмелиться хочешь?

Эрл Хельг подвинул к гостю золотое блюдо с жареными мухоморами.

– Видеть их не могу! – взорвался Хрюринг. – Если бы не работа, в рот и крошки не взял.

– Берсеркеры мы... – сочувственно возразил Хельг. – А без мухоморов какая может быть драка для нас, «бешенных»?

– Драка – ладно, драку понять можно. Но вот тут, – Хрюринг постучал себя по шлему, – каждый раз, ну, ни черта не остается!.. Пусто. Где был, с кем дрался, в конце концов, за что – полная... Как ее?..

– Амнезия, – подсказал Хельг.

– Во-во, а все из-за этих чертовых мухоморов.

Хозяин замка встал и подошел к окну. Скрипнули створки, в комнату хлынул свежий, пахнущий морем, воздух.

Хельг сладко потянулся:

– Хорошо-то как, а?!..

– Тьфу, на все! – быстро отозвался мрачный гость.

Хельг засмеялся.

– Ладно, братан, не горюй, – хозяин замка подошел к товарищу и дружески хлопнул его по плечу. – Так и быть, помогу я тебе.

– Чем?! Вот эту... Как ее?.. – Хрюринг ткнул себя пальцем в лоб. – Вот эту мне новую приделаешь?

– Человечка я тебе одного одолжу.

– Врача, что ли?.. Так я этих колдунов даже в плен не беру.

– Зачем врача? Получше кого-нибудь найдем, – Хельг хлопнул в ладоши. – Эй, вы, там!.. Живо ко мне Хлюпика!

Хрюринг удивленно заморгал глазами. Скрипнула дверь в комнату робко вошел болезненно худой молодой человек. Хрюринг осмотрел незнакомца: больше всего могучему викингу не понравился сосредоточенный взгляд юноши и его большой, бледный нос.

– Дарю тебе на пару неделек, – сказал Хельг. – И главное запомни, мухоморов Хлюпику не давать.

– Э-э-э, а зачем... – начал было Хрюринг.

– Потом-потом! – перебил хозяин замка. – На работу нам пора.

Хельг подсел к столу, взял вилку и потянулся к мухоморам.

– Не хочу я!.. – сморщился гость.

– Тоже мне, берсеркер, – засмеялся Хельг, поднося ко рту гостя вилку с мухомором. – Ну, давай... За маму... Молодец! Теперь за папу...

Хрюринг закрыл глаза и лениво задвигал массивной челюстью.

«К черту все! – горько размышлял он про себя. – Видно у нас, викингов, доля такая... Хотя жалко, конечно».

...Хрюринг пришел в себя только через два дня. Он с трудом приоткрыл один глаз. Взгляд викинга упал на боевой шлем на ночном столике.

«И второй рог, значит, обломали...» – лениво пронеслось

В голове.

Рядом кто-то робко кашлянул.

– Ты кто?.. – с трудом ворочая языком, спросил викинг сидящего рядом с постелью бледнолицего юнца.

Юнец ничего не ответил и взял в руки лютню.

– Я расскажу вам о рыцаре страшном во гневе, силой меча своего сокрушившего многих... – немножко гнусавым, тягучим голосом запел юнец.

«Псих, что ли?..» – подумал викинг.

– О, благородный эрл Хрюринг!.. О солнцеликий воин-те-ль! – взвыл юнец на самой высокой ноте.

«Это никак про меня?!..» – удивился викинг. В его глазах появилось заинтересованное выражение.

– ...Лез он на стену мечом повергая на землю хрупких саксонцев и англов пугливых – продолжал юнец. – И содрогнулись враги, видя бесстрашие эрла. Дама прекрасная молча смотрела на эрла взглядом своим, выражая любовь и томленья страсти...

«Здорово!.. – улыбнулся Хрюринг и тут же спохватился. – А что за дама-то?!»

Эпический рассказ длинноносого юнца о недавнем сражении занял около часа. Викинг прослезился и с удивлением отметил про себя, что привычная головная боль рассеивается как легкий туман.

– Слышь, друг, – слегка краснея, спросил он умолкшего, наконец, юнца. – А что за дама на меня из башни глаза пя-

ли... То есть смотрела?

Юнец вытащил из кармана куртки записную книжку.

– Замок Ла Рош, пятая башня справа, – прочитал он. – Матильда, дочь эрла Матинброка.

Хрюринг быстро встал и подошел к зеркалу.

«Ну, и видок у меня, однако!..» – неприятно удивился он, рассматривая в туманном стекле покрытую синяками физиономию.

– Эй, вы там!.. – рявкнул Хрюринг. – Мыться, стричься, одеваться!

Через пару часов аккуратно причесанный и выбритый Хрюринг был готов нанести визит соседу Матинброку.

«Может пару мухоморчиков скушать для храбрости? А то ведь этикетки там разные, поклоны... Запутаться можно, – нерешительно подумал он, снова рассматривая в зеркале свое посвежевшее лицо. – Впрочем, ну их!..»

– Ты кто по профессии? – не оглядываясь, спросил викинг юнца.

– Поэт...

«И на рынок надо зайти, – решил Хрюринг. – Прикупить себе еще парочку поэтов... Забавная эта штука – стихоплеты, понимаешь!..»

Любовь за окошком

Задумчиво покусывая кулачок, баронесса Изольда броди-

ла по огромному пустому залу. За высокими готическими окнами расцветал шаловливый майский вечер.

Женщина остановилась перед портретом мужа. Бравый барон снисходительно улыбался, положив руку на рукоять рыцарского меча.

«Муж как муж, – вдруг поймала себя на мысли красавица-баронесса. – И, если честно, то ничего особенного в нем и нет!..»

Полгода назад барон отбыл в крестовый поход. Первое время горячо влюбленная в супруга молодая женщина часами просиживала возле портрета, сообщая нарисованному неумелым художником мужу все незначительные подробности своей уединенной жизни. Барон слушал внимательно и, как казалось молодой женщине, иногда одобрительно кивал головой. Но одинокая жизнь в плохо отапливаемом замке не баловала Изольду обилием светских событий. Как-то раз, рассказывая обожаемому супругу о своей, как всегда одинокой, вечерней трапезе, женщина вдруг поймала себя на мысли, что она повторяется. Вдохновение любви таяло прямо на глазах...

За окошком тренькнули струны мандолины.

– Ах, чаровница с грудью высокой и нежной, – взвыл густой бас. – Мужем оставлена ты на забвение ласк безмятежных!..

«Опять этот идиот», – болезненно поморщилась Изольда.

– О, подлый муж бросивший деву младую! – настаивал

бас. – Сам-то, небось, щ-щас на коленях ласкает девку чужую.

Женщина подошла к окну и осторожно выглянула из-за шторы. В сгущающихся сумерках, там внизу, мелькала по-кошачьему неясная тень.

«А может быть и ласкает... – вдруг с горечью подумала о муже Изольда. – Ему-то, благоверному, хорошо, а мне? Сиди и жди тут как дура какая-то!»

Изольда подошла к зеркалу. Целую минуту она с жалостью рассматривала в нем молодую стройную женщину в стареньком и сером платье. Затем ее взгляд снова вернулся к портрету супруга.

«Еще усмехается чему-то!..» – с неприязнью подумала она.

– Где же те властные руки, которые платье срывают? – над-рывался бас за окном. – Где те ладошки, которые стан твой ласкают?!

«Нету, – вздохнула Изольда. – Ни жадных рук нет, ни теп-лых ладошек...»

– Голое тело твое уподоблю нежнейшему тесту, но если повар сбежал... – бас запнулся и задумался. – Дайте поме-сить его другому!

У Изольды заныло под сердцем. Бас за окошком и холод-ная постель вдруг показались ей пыткой.

«Прогоню этого гада с мандолиной, – решила женщина. – Ишь, распелся тут!.. Только переодеться надо... Я не могу

выйти на балкон в таком ужасном виде. Честно слово, я выгляжу в этом дурацком платье как Золушка».

Изольда подошла к шкафу и распахнула дверцы... Шкаф был пуст. Женщина изумленно приоткрыла изящный ротик. Содержимое второго шкафа, прежде до предела набитое приданным, ничем не отличалось от первого.

– Ах, ты, муж, какой же ты подлец! – громко воскликнула женщина.

– Ножки твои ... – наддал ободренный бас за окном.

– А ты заткнись, идиот! – рявкнула женщина.

Пятиминутные поиски шикарных нарядов, о которых Изольда даже и не вспоминала после отъезда мужа в рыцарскую командировку, закончились полной катастрофой – все исчезло. В конце концов, женский взгляд замер на стоящем в углу зала и обитом железом огромном сундуке, запертым на висячий замок.

«Тут, значит, он все и спрятал, – догадалась женщина. Она без сил опустилась на сундук. – А я-то жду его, жду... Дура, дура!!»

Женщина уткнулась лицом в ладони и заплакала. За окошком сочувственно кашлянул бас.

– Я говорю, ножки твои.... – вкрадчиво сказал он. – Я еще спою, а?

– Не надо! – сухо ответила Изольда. – Иди сюда, болван!

Женщина запустила серебряным кубком в портрет барона. Кубок спружинил о матерчатую физиономию рыцаря-за-

воевателя и упал на кровать. Тут же что-то тихо звякнуло о каменный пол. Женщина встала и подошла поближе. На полу, под портретом, лежал большой ключ. Изольда подняла его...

«От сундука ключик, – сразу догадалась женщина. – За картиной мой благоверный его спрятал...»

Она открыла сундук. Сверху, на куче платьев, Изольда увидела большой лист, исписанный хорошо знакомым почерком барона.

«Думаешь, не люблю, да?.. Глупая ты! – прочитала Изольда. – Если бы не любил, ключ от сундука с собой забрал. А еще бы пояс верности на тебя нацепил. Смешно, правда?.. Но я так решил, что когда тебе совсем плохо станет, значит, обязательно кубком мне в физиономию запустишь. Как тогда, помнишь, на свадьбе у герцога?.. Я же тебя знаю, солнышко мое! В общем, развлекайся, но не балуйся. Ключ – мой подарок тебе. Нечаянная радость, так сказать... Пококетничай немного, но не переусердствуй. Целую. Скоро буду дома. Твой благоверный».

Изольда подняла заплаканные глаза и светло, откровенно ласково посмотрела на портрет супруга. Красивое лицо барона украшал мужественный шрам от кубка.

«А так ему даже лучше!..» – улыбаясь сквозь слезы, подумала женщина.

Ветви винограда, наконец, перестали подрагивать, и на балкон выбрался толстяк с мандолиной в зубах. Он осто-

рожно заглянул в зал...

В углу, на сундуке, сидела красивая женщина. Скромно потупившись, красавица разглядывала каминную кочергу.

Толстяк шагнул в комнату.

– Ножки твои... Как это?.. – неуверенно начал гость. – Стройные, короче говоря, ножки... – толстяк жадно сглотнул слюну и покосился на пышную постель. – Лучше не бывает!.. Я прилягу, а?

– Так сразу? – не поднимая головы и продолжая чему-то улыбаться, спросила Изольда.

– А чего тянуть-то? – удивился толстяк.

Женщина встала. В воздухе тотчас мелькнула кочерга, но готовый ко всему кандидат в любовники быстро метнулся на балкон. Снова зашуршали ветки виноградника.

– Убью! – закричала Изольда, перегнувшись через перила. – Поймаю, обязательно убью.

– Подумаешь, Пенелопа, какая!.. – прорычал снизу толстяк. – Я завтра же войну объявлю и тебе и твоему дурачку-мужу. В плен возьму, вот тогда ты у меня не пококетничаешь.

– Только попробуй, болван!

Изольда не глядя, нашарила горшок с цветами и запустила его вниз. Там сразу же ойкнули...

Перед тем как лечь спать, Изольда крепко закрыла окно.

«А завтра, какое платье мне надеть, любимый? – думала она, ласково рассматривая лицо барона. – Голубенькое, на-

верное... Кстати, нужно кухарке сказать, чтобы тухлых яиц купила... И еще помидоров. Для этих... Для певцов. Будет чем их порадовать. Короче говоря, мы еще повеселимся с тобой, мой самый хороший!»

Изольда счастливо улыбнулась и уткнулась носом в подушку...

Незыблемое правило войны

Городишко Льен капитулировал без боя. Оборванные и голодные солдаты герцога Барбадоского, позвякивая громоздкими алебардами, входили в распахнутые ворота нестройной бараньей толпой. Впереди ехал глашатай.

– Три дня на разграбление города, господа! – весело вопил он. – Три дня на разграбление города, не считая сегодняшнего.

Солдаты построились на центральной площади. Жители города отсутствовали, видимо занятые подготовкой к беспощадному и скорому грабежу.

– Ну, наконец-то, братцы! – герцог вытер с небритой физиономии умильную слезу и всхлипнул. – В общем, наша взяла. Ура-а-а, братва!..

Солдаты угрюмо молчали. Уже долгих два года армия герцога шлялась по охваченной гражданской войной стране без какой-либо надежды на стратегический успех. Незадачливых вояк колотили крестьяне, интервенты, и неразговорчивые монахи. Городишко Льен казался подарком судьбы.

После короткой вступительной речи предводителя солдаты разбрелись по домам. Но город безмолвствовал. Милые сердцу герцога вопли обиравемых до нитки горожан не тревожили тишину в виду своего полного отсутствия.

Старый вояка Эндрю Одноглазый пинком вышиб дверь ближайшего домика. В зале на столе стояло блюдо с аппетитно зажаренным поросенком. Там же, рядом с кувшином вина, лежали золотые монеты. Из распахнутых сундуков свешивались рукава добротных камзолов...

Эндрю на всякий случай заглянул под кровать. Четверо очаровательных карапузиков трех-шести лет с любопытством смотрели на захватчика огромными глазами. Старый вояка погрозил малышне пальцем и приступил к грабежу. Труд оккупанта завершился поздним вечером ужином из свинины и вина. Уснул он на пуховой перине, так и не сняв грязные сапоги.

Утром Эндрю захватив с собой лопату, отправился в сад на поиски спрятанных исчезнувшими хозяевами сокровищ. Дети сидели рядом на свежей куче свежего, все прибывающего песка, и смотрели на мерно взлетающую кирку.

«Покормить детишек, что ли? – подумал Эндрю. – Не варвар же я все-таки...»

Дети охотно съели остатки свинины, но, к удивлению старого выпивохи, отказались от вина. Эндрю не успел приступить к прерванной работе, как вдруг все четверо карапузиков стали жаловаться на животики. Эндрю быстро понял, что

молочная каша была бы значительно более привычным блюдом для детских желудков, чем свинина. Сердце вояки дрогнуло от жалости, и он обозвал себя вслух болваном.

Между тем герцог Барбадоский метался по комнатам дома бургомистра, прижимая к груди крохотную девочку. У девочки был жар. Жирный гусь, предложенный герцогом ребенку на ужин, сыграл с ребенком такую же злую шутку. Посланный в походную аптеку оруженосец герцога вернулся ни с чем. Трава «от живота», на которую, в общем-то, никогда не было спроса, только что кончились.

В городе воцарилась тихая паника. Солдаты-захватчики едва не разорвали на куски аптекаря-голландца, требуя лекарства для детей лишенных, по неизвестной причине, родительской опеки. Герцог лично обыскал телегу лекаря и показал ему давно не мытый кулак.

Во второй половине дня вблизи города был ограблен крестьянский обоз. Странные грабители брали только молоко и творог. Чуть позже из ближайших к городу деревень были похищены все добропорядочные ведьмы-лекарки еще не повешенные инквизицией.

Старый вояка Эндрю сам кипятил молоко и настаивал травы. Этим же занимались все его коллеги-наемники давно прекратившие грабеж. Герцог Барбадоский, грозно сдвинув брови, наблюдал за действиями двух бабушек-лекарок и нервно барабанил пальцами по обнаженному мечу.

Ночью в городе раздалось первое мычание. К исходу ночи

оно усилилось и заглушило пение петухов. Утром к городским воротам пожаловала местная крестьянская делегация и потребовала вернуть украденных буренок. Герцог пошептался с солдатами и заверил их, что закроет глаза на внеплановый грабеж, если ему дадут взятку в виде коровы. Герцогу предложили козу. Крестьянская делегация ушла ни с чем.

Но коров и коз нужно было кормить. Солдаты совершили очередную вылазку за крепостные стены. Потасовка с сидевшими в засаде крестьянами быстро переросла в большую драку. Старый Эндрю косил траву двуручным мечом, время от времени отмахиваясь им же от порядком озверевших сельских жителей.

Вечером герцог издал указ: нашедших родителей крохотной Эльзы ждала крупная денежная награда. Старый Эндрю пообещал своим друзьям вдвое больше только за мать своих четверых подопечных.

Ночью в городе украли первую корову. Герцог сам судил так и не найденного вора. Обнаруженная на задворках королева с пустым выменем без лишних слов перешла в его собственность.

Солдаты дрались за сено. Старый Эндрю обнаружил в нем удивительную травку «ромашкулюс лекарствулюс» и уже к утру воз сена стоил целое состояние.

Колдуньи-лекарки читали лекции о детской гигиене на переполненной городской площади. Герцог Барбадосский строил план вылазки на ближайшее пастбище.

Вылазка удалась. Толпа солдат встретила ревом восторга герцога въехавшего в город на возе сена. Сзади плелось еще одно плененное стадо коров. На общем собрании армии герцогу единогласно было присвоено звание «Альфред Барбадосский Непобедимый». Тут же был оглашен эдикт об улучшении здоровья детей. Радость захватчиков стала просто неопикуемой. Старый Эндрю плакал то ли от счастья, то ли от тоски об утраченной на веки солдатской вольнице, уткнувшись носом в плечо аптекаря-голландца...

...Вечером в город пришла огромная толпа женщин. Рослая красавица с шикарным бюстом взяла свою дочку из рук герцога и обозвала его болваном. «Альфред Непобедимый» не стал возражать, а только робко поинтересовался, где находятся их мужья. Красавица ответила, что «эти идиоты уже два года воюют, черт знает где». Герцог проворчал что-то неопределенное о мести совершенно невинным захватчикам и посоветовал красавице выяснять отношения с мужем, а не с посторонними людьми.

Старый Эндрю продал двуручный меч, желая угодить маме четверых карапузиков. Но в связи с обилием вдруг появившегося в свободной продаже оружия, ему удалось выручить только пару золотых.

Захватчики покидали Льен налегке. Поражала быстрота их эвакуации. Она очень напоминала бегство от безжалостного противника.

Старый Эндрю шагал босиком по пыльной дороге и пел веселую песню о свободных и гордых мужчинах. Герцог ехал верхом на старой кляче. Он явно грустил, но, вспоминая прощальный поцелуй крохотной Эльзы, тут же улыбался.

В долине, показалось огромное стадо коров. Войско «Альфреда Непобедимого» без команды развернулось в цепь для атаки. В глазах герцога появился холодный охотничий блеск...

Любовь Абсолюта

Графиню Дебуа тащили на окровавленный эшафот. Кра-савица царапалась, кусалась, а при случае смело пускала в ход изящную ножку.

Нет-нет!.. Ничего страшного. Заранее было условлено, что там, на окровавленном эшафоте, графиня упадет на колени и попросит у Его Величества Людовика XII прощения. Даже реплики всем раздали:

Графиня: О-о-о, сжальтесь надо мной, тиран!

Людовик: (недоверчиво) А ты больше не будешь?

Графиня: (пылко) Никогда-никогда-никогда!

Людовик: Хорошо... Тогда мы вас прощаем.

И далее по тексту последнего рыцарского романа.

Но драки на эшафоте не ожидал никто. После того как неукротимая графиня пустила в ход вторую ножку, первый помощник палача хрюкнул и пал челом на политые томат-

ным соком доски. Бутафорская кровь на лице мастера утонченных допросов сделала его похожим на попугая.

Его Величество Людовик поморщились и мельком взглянули на сидящую рядом с ним сиюминутную фаворитку Эльзу. Милое личико виконтессы несколько портили злая маска и плохо припудренный синяк под глазом.

Графиню Дебуа связали, но перед этим ей удалось прокусить палец главному палачу. Головку красавицы осторожно положили на плаху. Второй помощник палача поднял огромный топор.

Народ втянул в себя воздух для испуганного вопля. Его Величество терпеливо ждали покаянных слов графини. Но графиня Дебуа била ножкой по эшафоту и громко рычала.

«Мы вас прощаем... – произнес про себя заранее заготовленную реплику Его Величество и снова скользнул взглядом по личику Эльзы. – А мы это кто?.. В данном случае я и Элиза, что ли?..»

Синяк под глазом Эльзы был делом рук графини Дебуа. Ночной шумный скандал разбудил весь королевский замок. Сами Его Величество в это время прятались за королевской кроватью и пытались объяснить темпераментной графине, что пригласили Эльзу только на чашечку чая.

Помощник палача перехватил топор поудобнее и посмотрел на Его Величество.

Народ краснел от натуги, еще не смея выпустить из себя вопль.

Красавица Эльза нервно постукивала пальцами по подлокотнику.

Людовик откинулся на спинку кресла и задумался. Женщина, как он только что понял, ни при каких обстоятельствах не попросит прощения у другой женщины. Особенно если одна из них сидит рядом с королем, а вторая смотрит на это безобразие с эшафота.

Еще не рожденный народом и сдерживаемый из последних сил крик ужаса уже грозил взорваться воплем революционного облегчения. Помощник палача с трудом удерживал топор, переминался с ноги на ногу и глупо улыбался.

Его Величество встали и направились к эшафоту. На эшафоте король наклонился и что-то шепнул графине. Та в ответ клацнула зубами, пытаясь цапнуть Величество за нос.

Стоять было неудобно, и Людовик опустил перед плахой на колени.

– Дура бестолковая! – соизволили прошептать Его Величество. – Видишь, уже на коленях перед тобой стою?

– Все равно не прощу, подлец! – прошептала в ответ графиня Дебуа.

Его Величество положили свою голову на плаху, и посмотрели в глаза возлюбленной.

– Хочешь, от короны отрекусь? – спросил Людовик. – Но учти, корону я могу потерять только вместе с головой.

– А как же вы тогда ее надевали сегодня утром? – съязвила графиня.

Помощник палача держал топор из последних сил. Острое лезвие дрожало и переливалось в багровых лучах заката.

Народ синел от натуги, из последних сил сдерживая вопль.

Графиня вдруг заплакала... Она поцеловала Людовика в нос, встала и громко сказала всем, что она прощает Его Величество.

Народ ответил легким вздохом, показывая, что он все-таки еще жив.

Палач уронил топор. Его Величество подобрали с полных соком досок кусок короны и милостиво подарили его своей возлюбленной.

Красавица Эльза, нервно покусывая губки, писала на обратной стороне королевского помилования революционное воззвание к дворянам, купцам, духовенству и черни.

Его Величество взяли графиню Дебуа за руку и направились к карете. Помощник палача задумчиво смотрел вслед счастливой парочке и зачем-то пробовал пальцем лезвие топора.

Народ расползлся с площади, проклиная абсолютную власть монархии. Солнце опускалось все ниже и ниже, согревая последними лучами тихое и уютное средневековье...

Записки неунывающего рыцаря

ПОНЕДЕЛЬНИК. Мы осаждаем арабскую крепость Ас-

Матрас уже целый год. Вчера к барону Шнапсу приехала в гости жена Изольда. Всю ночь из палатки барона доносились страстные вопли. Я было позавидовал... А утром выяснилось, что барон Шнапс так и не смог снять с себя доспехи – застежки заржавели. Сегодня днем Изольда уехала, но перед этим стащила у мужа ключ от своего пояса верности. Теперь сам борон – в «поясе»-латах, а его жена, кажется, уже нет... Где справедливость?!

ВТОРНИК. Утром очнулся во рву под стенами Ас-Матраса. Думаю: ну, и штурм вчера был!.. Голова раскалывается, а все тело болит так, словно я десять раз свалился со штурмовой лестницы. Приполз к нашим... Оказывается, никакого штурма не было, а к стенам крепости меня потянуло после пятого кувшина вина. Кажется, я орал неприличные песни и бил себя кулаком в грудь...

P. S. Чертов барон Шнапс! От кого жена сбежала, от меня или от него?! Вот и пил бы один.

СРЕДА. Кузнец весь день правил вмятину на моих латах... Выбрал самую большую кувалду. Ну и кулачок у меня, оказывается!..

ЧЕТВЕРГ. В наш лагерь приехал Его Величество король Любовник Косой... Тьфу, черт! То есть Людовик Второй. У Его Величества – день рождения. Стоя под знаменами, король произнес пламенную речь и нам – увы! – пришлось идти на внеочередной штурм Ас-Матраса. В честь дня рождения короля все рыцари шли со знаменами. А у стен крепости мы

вдруг вспомнили, что не взяли штурмовые лестницы. Коро-
че, пришлось бросить знамена и возвращаться в лагерь. Но
тут возмутилось Ваше Величество и потребовали вернуть-
ся за нашими стягами. Мы пошли обратно... Но какого чер-
та, спрашивается, торчать под стенами крепости с бесполез-
ными палками да еще под лавиной стрел, копий и булыжни-
ков?! Мы снова побросали знамена и побежали в лагерь. Его
Величество снова возмутились... И так до самой ночи.

Мне объявили выговор, за то, что я вернулся в лагерь не
со знаменем, а с оглоблей от сломанной телеги. А я что, ви-
новат?!.. Темно уже было! Кстати, а барон Шнапс притащил
шест с бельевой веревкой. После бегства Изольды барону
уже по фигу, что реет у него над головой, знамя или чьи-то
подштанники...

ПЯТНИЦА. К барону Шнапсу вернулась жена. Я полагаю,
что женщина стащила у мужа не тот ключ.

Утром его Величество Людовик снова произнес пылкую
речь, напирая на святость боевых знамен. Потом король по-
требовал повторить штурм. Да елки-палки!.. Ну, я понимаю,
вчера у этого идиота был день рождения... Но его что, мама
два раза, что ли рожала?!..

СУББОТА. Барон Шнапс весь день просидел в бочке с ке-
росином – надеялся, что отмокнут ржавые застежки доспе-
хов... А в это время его женушка Изольда вдруг вздумала
провести генеральную уборку в палатке мужа. Женщина так
рьяно взялась за дело, что распарывала подушки, вскрывала

двойные донышки сундуков, а под конец разобрала до последнего винтика запасной шлем мужа.

Кстати, штурма Ас-Матраса не было... Ночью группа неизвестных рыцарей набросила на Его Величество Людовика парочку знамен и устроила ему «темную».

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Барон Шнапс наконец-то выбрался из бочки, а его жены и след простыл. Похоже, что женщина все-таки нашла ключ от своего пояса верности. А от ее мужа теперь исходит такой запах керосина, что осажденные арабы потребовали прекратить химическую атаку на крепость. Неверные ссылались на Багдадскую конвенцию от 1035 года. Наш магистр ордена изучил вышеназванный документ. Как оказалось, там есть ссылка только на немывтые рыцарские носки. Магистр заявил осажденным, что носки барона Шнапса отлично отстирались именно в керосине.

А Его Величество Людовик второй день отлеживается в своей палатке после ночной взбучки. Его укрыли знаменами... Поэтому короля не заметил наш десяти пудовый лекарь и случайно сел на Его Величество.

ПОНЕДЕЛЬНИК. Для поддержания боевого духа в наш лагерь прибыла целая толпа монахов. Монахи развернули десяток палаток и открыли бойкую торговлю «святыми следами», «священными гвоздями» и «непорочными щепами». Но у нашей рыцарской братвы почти нет денег. И, кстати, почему мы должны повышать наш боевой дух за свой же собственный счет?!.. Лучше бы зарплату нам прибавили!

ВТОРНИК. Его Величество Людовик пришли в себя и потребовали срочно убрать из лагеря все знамена. Приказ короля, конечно же, выполнили... Но когда Ваше Величество прогуливались на лошади по лагерю, какой-то шутник прицепил на хвост его лошади здоровенный штандарт. Сначала на дыбы встала лошадь короля, а потом и само Его Величество... Когда столб пыли рассеялся, короля уже не было. Интересно, где теперь свистит ветер в ушах нашего Величества?..

СРЕДА. Магистр ордена присвоил барону Шнапсу звание «фон Керосин». Что касается прокеросиненных доспехов барона, то их уже называют «кираса». Удивительно, но барона не берут арабские стрелы, хотя они и сыплются на него со всех сторон. Неверное, у арабских лучников сильно щипает глаза и они ежесекундно чихают.

ЧЕТВЕРГ. Арабские купцы подбросили в наш лагерь обезьяну... Это бойкая животинка шурует по ночам в наших палатках. Обезьяна ничего не ворует, но после нее остается такой бардак, словно инквизиция искала ведьму.

ПЯТНИЦА. Барона Шнапса наконец-то вытряхнули из его кирасы, а саму кирасу забросили куда подальше... Чуть позже ребята поймали таинственную обезьяну. Но как оказалось, это совсем не обезьяна, а жена барона Изольда. Бедная женщина опять стащила у муженька не тот ключик и поэтому вернулась в наш лагерь.

СУББОТА. Ночью ограбили все торговые палатки мона-

хов... Воры брали только вино и не прикоснулись ни к «гвоздям», ни к «щепам». Кстати, про вино: пропало восемнадцать бочек. Наш магистр собрал ребят и потребовал вернуть украденное. Но мы нашли только одну бочку и отдали ее магистру. Магистр тут же укатил ее в свою палатку и больше не появлялся...

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Кто бы мог подумать?!.. Оказывается барон Шнапс фон Керосин попросту сам потерял ключик от пояса верности своей красотки Изольды! Теперь ни один наш кузнец не может справиться с хитроумным замочком на талии его жены.

Короче говоря, барон Шнапс вздохнул и посадил свою жену в бочку с керосином...

ПОНЕДЕЛЬНИК. Снова ограбили монахов. Снова сперли восемнадцать бочек вина... Наш магистр снова собрал ребят и потребовал вернуть бочки. Когда ребята разошлись, магистр еще три часа торчал на площади. Ждал!.. Потом плюнул и ушел в свою палатку. Почти сразу же оттуда донеслось громкое «Уй-е!..» и грохот упавшего тела. Идиот, да?.. Магистр мог бы сразу догадаться, где его законная бочка, а не торчать три часа на площади.

ВТОРНИК. Барона Шнапса фон Керосина и его жену Изольду (теперь тоже «фон Керосиниху») выгнали из лагеря. Теперь они живут в отдельной палатке, за бугром... Когда меняется направление ветра, фон Керосинов гонят за противоположенный бугорок.

СРЕДА. Сегодня плохо выспался... Из-за не столь уж далекого бугорка всю ночь доносился скрежет. Кажется, барон Шнапс грыз зубами замок на поясе верности жены.

Днем ходили на штурм Ас-Матраса... Я получил булыжником по забралу из катапульты. Теперь, к сожалению, теперь забрало невозможно открыть, а так хочется жрать!

P.S. ...Нет, теперь я не смеюсь над бароном Шнапсом. Я ему искренне сочувствую! Например, сегодня весь вечер я поглаживал очень симпатичную, копченую свиную ножку, но так и не смог от нее откусить.

ПЯТНИЦА. Монахам надоел ежедневные грабежи и они сбежали из лагеря. По дороге их ограбила арабская конница. Воры брали только вино... А потом в пустыне повсюду валялись пьяные арабы.

Магистр ляпнул, что арабы не пьют вина. Идиот!.. На халыву пьют все. Даже верблюды и те, у кого большие проблемы с забралом. Правда, много ли через соломинку выпьешь?..

СУББОТА. С моим заклинившим забралом справился не кузнец, а магистр. Он попросту окунул мою голову в бочку с керосином, я чхнул и забрало со свистом улетело в сторону крепости. Почти сразу же оттуда донеслось многоголосое «Ой, блин!..» Говорят, у арабов шестеро раненых.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. В лагерь пожаловали барон фон Шнапс и его жена Изольда. Женщина грызла невесть откуда добытое яблоко и вертела на пальчике сломанный замок от пояса

верности. Оказывается, Изольда с самого начал провоцировала мужа на ревность и дезертирство. Женщине, видите ли, надоели крестовые походы мужа!..

На общем собрании мы дружно исключили барона Шнапса из рядов своего ордена... За его запах! На прощание магистр галантно поцеловал Изольде руку и тут же потерял сознание. Как говорится, муж и жена одна прокеросиненая сатана...

ПОНЕДЕЛЬНИК. Утром очнулся во рву под стенами Ас-Матраса... Рядом магистр и еще парочка наших ребят...

Чертов барон Шнапс фон Керосин!.. Если он помирился с женой, какого черта спаивать весь лагерь?! Вот и пил бы вместе с ней!..

От баб одни проблемы

Барон фон Борг любил посидеть у камина, не снимая рыцарских лат. Хозяин древнего замка Шпицлау смотрел на огонь и придумывал самые невероятные и изощренные военные хитрости против своего вечного врага герцога фон Морга.

Баронесса Матильда фон Борг сидела напротив своего мужа. Женские пальчики ловко вышивали родовой герб на месте очередной дыры на потрепанном выходном камзоле своего супруга. Красивое лицо женщины казалось умиротворенным.

– Мне бы этому гаду только в тыл зайти, – тихо пробормотал себе под нос барон фон Борг. – А там бы уж я эту шмакодявку...

Барон сжал огромный кулак и ударил им по подлокотнику кресла.

– Ты о ком, любимый? – спросила Матильда, не отрываясь от рукоделия.

– Об этом негодяе фон Морге.

– Сколько можно воевать, тебе еще не надоело? – вздохнула баронесса.

Фон Борг не обратил на слова своей жены ни малейшего внимания.

– Зайти в тыл – вот самая моя заветная мечта! – продолжил свою мысль воинственный барон. Взгляд фон Борга скользнул по хрупкой фигурке жены и неожиданно прояснился. Он громко и радостно выругался. – Черт возьми, придумал!..

– Что ты придумал, милый?

– Что, что!.. Идею я придумал.

Матильда подняла глаза. Муж внимательно рассматривал ее руки, и казалось, что-то прикидывал в уме. Баронесса улыбнулась.

– Надеюсь, дорогой, ты не заставишь воевать с фон Моргом свою жену? – спросила она.

Барон почесал затылок широченной пятерней.

– Послушай, Матильдочка, в конце концов, воевать стоя

на крепостной стене не так уж и трудно, – вкрадчиво начал он. – Знай себе размахивай дубинкой и лупи по головам всех, кто подвернется под руку. На худой конец можно опрокинуть на врага чан с кипящей смолой.

– Я не умею опрокидывать чаны – возразила баронесса. – И тем более размахивать дубинкой.

– Велика ли наука!.. – отмахнулся фон Борг – Я тут подумал, что если ты сможешь продержаться в крепости всего час, то мне со своими ребята удастся зайти в тыл фон Морга. Понимаешь?.. Кстати, ты будешь воевать не одна. У нас сидит без дела целая куча придворных дам.

– Я все-таки женщина! – напомнила мужу баронесса.

– А кто об этом догадается, если ты наденешь мои рыцарские латы и опустишь забрало? – барон хитро улыбнулся. – И пока этот кретин фон Морг будет штурмовать стены моего замка, я наконец-то ударю ему в тыл.

– Да, но... – снова попыталась возразить баронесса.

– Речь идет о моей воинской чести, – перебил жену барон. – Надеюсь, ты это понимаешь?

– Прости, но разве нам уже объявили войну?

– Пока нет. Но скоро объявят. Я утром письмишко фон Моргу черкнул... Ну, в общем, довольно безобидное. Но я сказал ему все, что о нем думаю. Так что война уже неизбежна, дорогая!

На следующее утро, прихватив с собой две сотни тяжеловооруженных вассалов, барон фон Борг отправился в бли-

жайший лесок. Устроившись в засаде, он первым делом бросил взгляд на стены своего замка. Между зубцами башен и стен мелькали закованные в броню воины. Они казались слишком неуклюжими для мужчин.

«Сойдет! – подумал барон. – Кто этих баб в бою рассматривать-то будет?! Вот только болтать поменьше нужно. Я даже тут женский гвалт слышу».

Облаченная в доспехи мужа Матильда фон Борг довольно удачно имитировала повадки барона.

Вооруженная орава герцога фон Морга появился после обеда. Даже не попытавшись вступить в переговоры с хозяином Шпицлау, то есть, не помянув его почтенных предков самыми последними выражениями и не предложив позорной капитуляции, воинственный герцог сразу повел на штурм своих головорезов.

На стенах замка закипела жаркая схватка. В воздухе замелькали мечи, окованные железом боевые дубинки и топоры. Размахивая копьем мужа, баронесса Матильда бросилась в самую гущу схватки.

– Дура баба! – скептически улыбнулся фон Борг. – Слишком азартна для командира, – барон оглянулся на своих вассалов. – Ну, ребята, наше время пришло. Покажем этим негодьям, как умеет воевать...

– Подожди-ка, хитрец, – вдруг раздался из кустов чей-то хриплый бас. – Сначала ты будешь иметь дело со мной!

На поляну во главе всадников выехал герцог фон Морг.

Барон фон Борг удивленно приподнял левую бровь, причем так сильно, что на его голове шевельнулся шлем.

– Ну, чего zenки вылупил? – самодовольно улыбнулся фон Морг. – У нас кроме хорошей разведки еще и свои бабы имеются. Усек?.. – герцог кивнул в сторону замка. – Теперь о разборке: как воевать дальше будем, куча на кучу или один на один?

– Один на один! – грозно зарычал пришедший в себя от неожиданности фон Борг. – Щ-щ-щас я тебя, гада!..

Не говоря больше ни слова, рыцари погнали своих коней навстречу друг другу. Столкнувшись в центре поляны, они подняли мечи. На рыцарских шлемах вспыхнули электрические искры и оба рыцаря свалились на землю.

– Добрый удар, однако, – поморщился фон Морг, ощупывая вмятину на верхушке шлема. – Помнится, точно такой же я получил, штурмуя замок в Палестине.

– Признаться, ты тоже мне неплохо заехал, – заметил фон Борг, поправляя съехавший на бок забрало. – Аж в ушах звенит.

Кряхтя, рыцари встали с земли и молча посмотрели друг на друга.

– Записать бы надо ударчики, а то потом забудем в суматохе – предложил фон Морг.

Рыцарский этикет требовал точной, почти шахматной, хронологии описания схватки.

– Согласен, – кивнул фон Борг и обернувшись к вассалам

громко крикнул. – Эй, вы там!.. Ну-ка запишите, что такого-то числа, такого-то месяца доблестный рыцарь фон Борг получил знатный удар по мор... То есть по забралу от доблестного рыцаря фон Морга, и не преминул ответить таким же великолепным ударом по чайни... То есть по голове выше названного знатного рыцаря!

Фон Морг продиктовал своим вассалам примерно тоже самое.

Когда бюрократические нюансы были улажены, рыцари снова вопросительно посмотрели друг на друга. Фон Морг по-заговорщески подмигнул своему противнику.

– А неплохо бы было обмыть такие ударчики, а? – предложил он.

– Конечно, не плохо!– улыбнулся фон Борг. – Признать-ся, не каждый же день так здорово по тыкве... То по голове нашего брата рыцаря лупят.

– Эй, ребята!.. – гаркнул своим вассалам фон Морг. – Стол на всю компанию и побольше доброго вина!

– Кабанчика и рябчиков! – обернувшись к своим людям, крикнул фон Борг. – Живо!..

Стол, а точнее говоря, походная скатерть в центре поляны была накрыта в течение нескольких минут. Невесть откуда взявшийся упитанный кабанчик переваливался на вертеле над пламенем костра и источал чарующий аромат.

– За моего вечного и благородного врага! – провозгласил фон Морг поднимая огромную чашу до краев наполненную

бургундским.

– За моего преданного и не менее благородного противника! – отозвался фон Борг, поднимая такой же огромный сосуд.

Рассевшаяся вокруг челядь принялась усердно чокаяться друг с другом. Через пару часов обильного застолья рыцари забыли все старые обиды и травили друг другу анекдоты про дам сердца.

– Возвращается, значит, рыцарь из Палестины – давясь смехом, рассказывал фон Боргу герцог. – А в его шкафу для доспехов сидит парочка менестрелей...

От взрывов мужского хохота стреноженные кони шарахались в сторону и испуганно ржали.

– За благородный рыцарей!.. – не дослушав очередной анекдот до конца, заорал фон Борг.

– За мужскую дружбу!.. – поддержал тост фон Морг, опираясь непослушной рукой на плечо барона. – И к черту всех менестрелей!

Уже вечером, бережно поддерживая друг друга, фон Борг и фон Морг направились в сторону замка, что бы завершить свою вечеринку под его закопченными сводами.

Подойдя поближе, они друг с удивлением увидели, что на стенах замка все еще кипит жаркая схватка. Переодетая в доспехи мужа Матильда стояла на крепостном зубце и яростно рубилась тяжелым мечом с рыцарем в серебристых латах. Внизу, на земле, лежала огромная куча сломанных копий,

дубинок, стрел и два десятка пустых чанов из-под смолы.

Барон фон Борг стукнул себя по лбу.

– Про баб-то мы забыли!– воскликнул он.

– Действительно, – удивился герцог. – Как же это мы, а?..

– Эй, гражданочки!.. – замахал руками борон. – Кончай воевать, уже десять часов как перемирие!

Запыхавшаяся Матильда опустила руку с мечом. Там, внизу на земле, стоял ее пьяный супруг. Он чему-то улыбался и обнимал за плечи своего вечного врага фон Морга.

Матильда сняла шлем. Рыцарь в серебристых доспехах сделал то же самое и по его датам рассыпались золотистые волосы Брунгильды фон Морг.

Женщины посмотрели друг на друга.

– Подожди-ка, – тихо сказала Матильда. – Это что же такое получается?!..

– А получается, что пока мы тут друг с другом деремся, эти голубчики, – Брунгильда показала пальцем на обнявшихся рыцарей. – Пьянствуют друг с другом.

– Какое хамство!– громко возмутилась одна из придворных дам, вооруженная для устрашения врага сразу двумя увесистыми дубинками.

В глазах Матильды фон Борг сверкнул гордый, тевтонский огонек.

– Да что же такое, а?! – закричала она. – Это же просто издевательство!..

– Действительно! – согласились все без исключения при-

дворные дамы.

– А ну-ка, бабы, – светловолосая Брунгильда подняла меч. – Давайте-ка, сейчас разберемся с этими пьяницами!

Фон Морг и фон Борг попятились. Ворота распахнулись, и навстречу примирившимся рыцарям хлынула закованная в железо толпа. Барон споткнулся и тяжело повис на плече собутыльника.

Рыцари пустились наутек. Барон на всякий случай прикрыл голову руками. Первый тяжелый удар ниже поясицы сначала заставил его опустить руки, а второй, угодивший точно по макушке, бросил барона на землю...

...Фон Борг пришел в себя только утром. Опершись на локоть, он приподнял непослушное тело и осмотрелся по сторонам.

Выложенные из дикого камня стены подвала сочлились сыростью. Герцог фон Морг сидел возле тусклого, сделанного под самым потолком, зарешеченного окошка и задумчиво ощупывал опухший глаз.

– Говорил мне батяня, не женись, сынок, на пруссачках, – бормотал он себе под нос. – Рука у них тяжелая, как гиря...

Фон Борг попробовал пошевелиться. Тело болело так сильно, словно по нему пробежал табун лошадей.

– Бабы где? – хрипло спросил барон.

– Пируют, – фон Морг кивнул на потолок – А вы, сказали, будете сидеть в подвале до следующего крестового похода.

Сверху доносились звуки музыки и топот ног.

– Все, елки-палки!.. – фон Борг тяжело опрокинулся на спину. – Следующую войну проводим без баб.

Герцог кивнул.

– Совершенно верно. Ну, их!.. Правильно мне мой батя говорил: от баб, сынок, всегда одни проблемы.

Перед Богом и людьми

Вдовствующая королева Изольда влюбилась в конюха Вольдемара. По вечерам молодая женщина шла на сеновал – тот, что рядом с королевской конюшней и сквозь старую крышу которого можно всю ночь любоваться пушистыми звездами – и там словно погружалась в упоительный и колдовской мир, пропитанный запахом луговой шалой травы. Казалось бы, ничего страшного не происходило, ведь любовь не противопоказана ни одной женщине, но придворные вдруг заметили, что красавица-королева часто плачет по утрам.

Причина женского несчастья была довольно проста – конюх Вольдемар не хотел становиться мужем Изольды и королем земли Лебедеум.

Он так и говорил Изольде:

– Подумай сама, Изольдочка, что такое свадьба?.. Придумали, понимаешь, праздник любви: два дурачка стоят у алтаря со свечками. А третий дурачок им говорит: мол, вы те-

перь муж и жена перед Богом и людьми. Между прочим, Бога нет, Изольдочка, а на людей я плевать хотел.

Молодая женщина возражала, но Вольдемар твердил свое:

– Изольдочка, ты и так королева, зачем тебе становиться еще и свадебным Величеством на один праздничный день? – вкрадчиво шептал Вольдемар в женское ушко. – Из-за штампа в королевском паспорте? Но эта клякса совсем не гарантирует мою любовь.

С другой стороны пройдоха-конюх не стеснялся пользоваться положением фаворита. Многочисленные лебедеумские ремесленники и купцы забыли дорогу в королевское министерство финансов. По вечерам они спешили в кабачок «Веселый поросенок» на темной и дальней улочке. Вольдемар принимал посетителей в отдельном кабинете. Вокруг него звенело золото и лилось рекой вино... Чтобы как-то отличаться от остальных, Вольдемар стал носить красный кафтан, широченный желтый пояс и зеленые штаны. За вызывающе яркий наряд он получил кличку Светофор. Ведь «сверум» по-лебедеумски означает красный, «тоф» – желтый, а «фор» – зеленый.

На защиту страдающей от любви королевы Изольды встали министр финансов сэра Маргус Пипин и однорукий аббат Круазье. Министр финансов – между прочим, честнейший человек! – поняв, что разумные доводы, которые он приводил королеве, бесполезны, возложил на себя шутовской колпак. Сэр Маргус принялся разоблачать жулика-конюха вез-

де, начиная от дворца и кончая «Веселым поросенком». Министра, превратившегося в шута, несколько раз били в кабачке, а один раз попытались утопить в реке, предварительно насыпав в его карманы полпуда обесценившихся медных монет.

Аббат Круазье был еще более нетерпим к пройдохе-конюху. У бывшего рыцаря, потерявшего руку в войне со злыми карликами, было очень доброе сердце. Говорят, что во время неурожая в Лебедеуме, благодаря стараниям Круазье, голодали только монахи, а не крестьяне и их дети. В связи с этим количество святых отцов в монастырях резко сократилось, но те монахи, что не сбежали, вдруг стали пользоваться такой славой, что в монастыри потянулись подводы с подавляющими из всех окрестных королевств. Монастыри чуть не утонули в золоте. Подсчитав доходы, благородный аббат счел их не Божьим благословением, а дьявольским искушением. Он принялся строить дороги, школы, больницы и осушать малярийные болота. Проповедуя слово Божье, бывший рыцарь столь громогласно обличал афериста-конюха, что в кафедральном соборе звенели стекла.

Но не бездействовал и Светофор. Глава Академии Метафизических наук подсунул королеве трактат «О бесполезности штампа в королевском паспорте». Кроме всего прочего, в трактате говорилось о том, что все мужья-короли – тираны и деспоты ничего не понимающие в любви.

Не известно, сколько продолжалась бы эта тайная война,

если бы через Лебедеум не проследовал обоз с ранеными рыцарями из королевства Эльфиникум. Рыцари, во главе со своим молодым королем Ричардом, возвращались домой после битвы с дикими великанами. Жители Лебедеума гостеприимно разместили раненых гостей по своим домам. Тем же вечером (не без старания аббата Круазье, конечно) вдовствующая королева Изольда приняла в своем дворце юного короля Ричарда.

Тишайший прием, украшенный классической клавесинной музыкой, закончился грандиозным скандалом. Едва взглянув на красавицу-королеву, Ричард покраснел, потом побледнел и тут же предложил ей руку и сердце. Королева снисходительно улыбнулась и сказала, что любит другого человека. Ричард попросил познакомить его с королем Лебедеума. Королева ответила, что в Лебедеуме нет короля. Присутствовавший на приеме аббат Круазье усмехнулся и сказал что-то неопределенное и малоприятное о «свободной любви». Королева покраснела от стыда и прикрикнула на аббата. Тот, прежде чем возвести очи долу, толкнул Ричарда ногой под столом. Молодой король повторил свое предложение руки и сердца. Изольда гордо вскинула голову и сказала, что прием окончен. Ричард заявил, что поскольку ему отказываются предьявить короля Лебедеума, он считает отказ королевы оскорбительным. Изольда назвала Ричарда «несносным мальчишкой». Скандал стал разрастаться как лесной пожар, при чем аббат Круазье проявил себя опытным интри-

ганом. В конце концов, королева запустила в настойчивого Ричарда кубком с вином, а тот – уже в ответ, разумеется, – объявил войну королевству Лебедеум.

Утром рыцари Ричарда покинули город. Их было немного, все они страдали от недавних ран, но по приказу своего короля они принялись возводить напротив городских стен свои укрепления. Штурм города был назначен на пятницу тринадцатого сентября.

Услышав такую новость, конюх Светофор побледнел от ужаса. Он разыскал нескольких монахов, тех, которые сбежали из монастырей во время знаменитого голода, и те – в срочном порядке! – стали проповедовать на улицах города и в лагере осаждающих, что «миром движет только любовь». Аббат Круазье принял контрмеры. Его святые отцы стали ратовать за «войну до победного конца». Причем они тоже проповедовали как в городе, так и среди рыцарей Ричарда.

Светофор обозвал неистового аббата «кровожадным монстром». Но жители города, как это ни странно, поддержали именно аббата. Многие из них (в том числе и женщины) частенько работали то на укреплении городских стен, то возводили штурмовые башни в лагере осаждающих. В результате было заключено множество браков между жительницами Лебедеума и рыцарями Ричарда. Благословляя новобрачных, аббат Круазье предал окончательной анафеме мерзавца Светофора.

Бывший министр финансов сэра Маргус Пипин лично ру-

ководил перепиской Их Величеств Ричарда и Изольды. Поскольку монаршие особы находились в состоянии войны, сэр Маргус то и дело переписывал письма своей королевы, убирая из них такие выражения как «болван железный» и даже «идиот несчастный». Переписка умерла после того, как Изольда прислала Ричарду стихи неизвестного поэта, заканчивающиеся строчками «... Но я другому отдана и буду век ему верна». Ричард ответил только одной строчкой – «Лаура ты!» Тут следует напомнить, что имя Лаура в королевстве Лебедеум является оскорбительным не только для королевской особы, но и для женщины вообще. Ведь первые две буквы этого имени легко заменить одной и понятно какой...

В четверг, накануне штурма города, в лагере Ричарда поймали Светофора. Конюх собирался удрать, прихватив с собой корону покойного короля и мешок золота. Услышав весть о предательстве, Изольда слегла в постель.

В пятницу войска Ричарда вошли в город без боя. Чтобы не беспокоить заболевшую королеву, лошадиные копыта обмотали тряпками. Завоеватели и жители города переговаривались только шепотом. Жены-горожанки целовали мужей-завоевателей и, наверное, были самыми счастливыми женщинами на свете.

На следующее утро Изольда вызвала к себе аббата Круазье. Тихим, больным голосом женщина сказала, что сегодня же ночью она покинет город. Аббат не стал возражать. Изольда добавила, что покинет город одна. Аббат немного

подумал и сказал, что даст ей «одного монашка» чтобы он проводил ее до городских ворот. Изольда была еще слишком слаба, чтобы самой тащить сумку с вещами...

Проводы королевы – если их можно так назвать! – получились очень скромными. Молодая женщина, в сопровождении рослого монаха, с надвинутым на глаза капюшоном, проследовала по безлюдным улицам. Было так тихо, что даже глухой услышал бы, как под монашеским облачением, провожающего королеву инок, позвякивают рыцарские доспехи.

На остановке, где должна была притормозить карета-маршрутка следовавшая в королевство Заморская Гавань, никого не было. Шел дождь, и даже ночные разбойники предпочли остаться дома. Когда монах попытался приблизиться к Изольде, чтобы раскрыть над ней зонтик, она вдруг закричала, чтобы «монах» не подходил к ней. Потом королева села на скамейку и горько заплакала. «Монах» (а это был, разумеется, Ричард!) опустил зонтик и растерянно моргал глазами.

– Вы выгнали меня из дома, – заявила Изольда Ричарду. – Вы – таран... то есть тарантул... Нет, вы – тиран и деспот!

Ричард почесал затылок. Во-первых, молодой человек никого не выгонял, а, во-вторых, он искренне не знал, как нужно успокаивать плачущую женщину.

– Ты что и в самом деле идиот, да?!.. – вдруг обратился к Ричарду мокрый от дождя куст малины рядом с оста-

новкой. – Тебе уже сказали, что ты – тиран и деспот. Сажай Изольду в мешок и тащи назад!

Куст почему-то говорил голосом министра Маргуса Пипина. Ричард послушно вытряхнул из мешка женские вещи и втиснул туда их хозяйку.

В королевской спальне Ричарда поджидал аббат Круазье. Когда Изольду осторожно вынули из мешка, Ричард увидел, что молодая женщина спокойно спит.

– А что ей теперь волноваться-то? – сказал аббат. – Ведь из мешка, да тем более деспота, не сбежишь.

Сонную Изольду напоили чаем с малиной (ее принес сэр Маргус), а потом уложили спать...

Утром аббат Куразье и министр сэр Маргус сожгли сеновал, в котором королева встречалась с проходимцем-конюхом. В пучке травы, отданном на экспертизу в Метафизическую академию наук, было обнаружено большое количество цветов «любовникус дурманикус».

Узнав результаты экспертизы, аббат Круазье плюнул с досады и сказал, что не мешало бы сжечь и самого колдуна-конюха. Но Светофор сбежал вторично, утащив на этот раз большую королевскую печать.

– Теперь королевские долговые расписки подделывать будет, – вздохнул сэр Магнус.

Он наконец-то снял с головы шутовской колпак.

– Ну и шут с ним! – улыбнулся аббат. – Кстати, мы и без печати свадьбу сыграем. Что мы бюрократы какие-нибудь,

что ли?!.. Для настоящей свадьбы вообще ничего не нужно кроме жениха и невесты, Бога и людей.

И вполне возможно, что он прав...

Сто химер и одна истина

Алхимик Розеткус стоял возле зеркала и задумчиво рассматривал синяк под глазом. Сзади хохотал связанный по рукам и ногам китаец.

– Порох! – бубнил ученик алхимика Ганс. – Как делают порох, узкоглазый?!

– Не скажу-у-у, однако!.. – сквозь смех стонал китаец.

– Может, это самое... – Ганс почесал здоровенный кулак и посмотрел на хозяина. – Попроще что-нибудь применить, а?

– Нельзя! – Розеткус потрогал синяк пальцем. – Единственный китаец в герцогстве. Еле-еле разыскали... Помрет, что делать будем?

Ганс провел гусиным перышком по голой пятке китайца. Тот снова хрюкнул от смеха.

– С золотом попроще было, – пожаловался Ганс. – С золотом и философским камнем хоть сто лет любого дурака-герцога за нос водить можно. А вот порох...

Скрипнула дверь и в лабораторию просунулось веселое женское личико.

– Убирать будем, хозяин? – спросило личико.

– Будем, Марта, будем... – Розеткус вдруг повысил голос

до раздраженного крика. – Убирай все к чертовой матери! Вот это убирай, – алхимик смахнул со стола колбу в виде головы химеры, – и это тоже!.. Все убирай!!

На пол посыпались пробирки, колбы, медные замысловато изогнутые трубочки и чугунные подставки.

Здоровяк-ученик взвалил на плечо китайца и направился к двери. Розеткус что-то сердито ворча себе под нос, поплелся следом.

Ганс уложил китайца на землю, под раскидистой яблоней. – Пойми, Чан, – нежно зашептал на ухо китайца Розеткус. – Не изобретем порох – вместе на плаху пойдем. Фингал под моим глазом видишь?.. Это мне герцог лично поставил. Он к войне готовится...

Китаец коротко хохотнул и уверенно сказал: – А моя все равна не говорить!

Из лаборатории доносился звон стекла и шорох веника. Женский голосок пел что-то веселое про доброго Ганса, который обещал наивной девушке вернуться из похода на Восток, но почему-то задержался в походе.

– Дранх нах остен! – старательно и нежно выводил голосок. – Дранх нах остен!..

– Господи, – взревел Розеткус и воздел руки к небу. – Господи, помоги мне изобрести порох! Ну, что тебе стоит, Господи?!..

– Вы только это... Не говорите ему, зачем он нам, – шепнул учителю Ганс. – Бог – не герцог, он войну не любит.

Мимо прошла Марта с мешком за плечами. Девушка разложила костер неподалеку и высыпала в него мусор.

Мощная взрывная волна сорвала с Розеткуса шляпу и если бы не крепкая шея алхимика, она наверняка укоротила бы его на целую голову.

– Мамочка родная!.. – простонал Ганс.

Прижатый к земле пышным девичьим телом ученик алхимика смотрел в закопченное декольте и глупо моргал глазами.

– Это же порох жажнул!.. – простонал Розеткус.

Алхимик бросился в лабораторию. Там было пусто... Только в углу стояли три большие бочки.

– Колдовство, – ахнул за спиной алхимика запыхавшийся Ганс. – Ей-богу, колдовство, хозяин!

Мужчины вернулись к яблоне и привели в чувство чумазую Марту.

– Девочка моя, – ласково заговорил Розеткус. – Ты откуда это взяла?

– Что, это? – переспросила Марта.

– Ну, это... – Розеткус развел в стороны руки. – Бум-бум!!

Мужчины заискивающе улыбались.

– Пусть еще раз в лабораторию сходит и принесет... – жарко зашептал в ухо хозяина Ганс. – С колдуньями без хитрости нельзя.

Переговоры со слегка контуженой девушкой оказались не менее длительными, чем с упрямым Чаном. В конце концов,

Марта согласилась принести еще «бум-бум», если здоровяк Ганс возьмет ее замуж. Ганс легко согласился – за колдовство в графстве полагалась смертная казнь.

Марта принесла мешочек наполненный чем-то неопределенно серым. Розеткус долго разглядывал, пробовал на вкус содержимое и только потом высыпал его в костер. Яркая вспышка озарила лица людей.

– Я же говорю, колдовство! – обрадовался Ганс.

Розеткус недоверчиво покачал головой.

– Пошли, – он взял девушку за руку. – Покажешь нам, как ты колдуешь... То есть как ты это делаешь.

В лаборатории Марта высыпала в мешочек содержимое из трех бочек, которые ей так и не удалось сдвинуть с места во время уборки.

– Древесный уголь, – быстро определил Розеткус содержимое первой бочки. – Помнишь, Ганс, мы с тобой чистый эфир из воздуха получить хотели? А в этих двух бочках сера и селитра, – алхимик поднял руки к потолку и громко рявкнул: – Все, Господи, все!.. Спасибо!

– А как же колдовство? – удивился Ганс.

– Колдовство, точнее божественное таинство, будет в церкви во время твоей свадьбы, – радостно съехидничал Розеткус. Он поднял с пола осколок колбы в виде головы химеры. – Кстати говоря, Марта не могла изобрести ничего, кроме пороха. Потому что она убрала отсюда все лишнее. Понимаешь, Ганс?.. Сто химер и одна истина мне в глотку, она

ничего не могла изобрести кроме пороха!..

Марта подошла поближе к Гансу и взяла его за руку. Ганс попытался освободиться, но нежная женская ручка оказалась неожиданно сильной.

В лабораторию вошел китаец Чан. Он положил веревки на стол и с любопытством посмотрел на Розеткуса.

– А ты, почему нам про порох не сказал? – возмутился Ганс. – Довел, понимаешь, человека до свадьбы!

– Не знаю я ни черта... – Чан потупился и вздохнул. – Но стыдно! Скажут, китаец, а как порох как делают, не знает...

...На свадьбе Ганса был впервые в Европе испытан фейерверк. Чумазые, перепачканные копотью гости радостно смеялись и хлопали в ладоши. Фейерверк, как лишенная химер истина, был прекрасен и не приносил людям пока ничего, кроме радости и ощущения полного счастья...

Цивилизаторы

... Шах Махмуд Измаил II и его визирь Усмани стояли на стене крепости Аль-Лахба и внимательно рассматривали рыцарский лагерь. И без того всегда шумливый, но сегодня особенно, стан захватчиков гудел множеством не совсем трезвых голосов.

– Что там у них сегодня, Усмани? – спросил шах.

– Рыцари отмечают день рождения своего магистра, Ваше Величество, – визирь вежливо поклонился. – Они хле-

щут сок перебродившего винограда и провозглашают здоровье друг друга.

– А при чем здесь здоровье? – удивился шах.

Визирь улыбнулся и пожал плечами.

Как правило, утром после рыцарских пьянок, слегка ошалевшие от вина захватчики осушали до дна все ближайшие колодцы. Количество выпиваемой воды, в перерасчете на одну рыцарскую душу, всегда превышало объем влаги, потребляемой среднестатистическим верблюдом после недельного перехода через пустыню.

Шум в рыцарском лагере постепенно усиливался... Тот тут, то там уже слышались пьяные песни.

Мудрый Махмуд Измаил II знавший восемнадцать языков, включая древнегреческий, невольно поморщился. Сегодняшние песни галантных захватчиков изобиловали не совсем приличными прилагательными и скорее напоминали неприличные частушки.

– Давно хотел тебя спросить, Усмани, почему в лагере рыцарей два флага? – спросил шах. – Флаги похожи, но почему они разного цвета?

– Наши враги принадлежат к разным рыцарским Орденам, – охотно и быстро пояснил визирь. – Синий флаг означает, что его члены относятся к Ордену Правой подвязки Его Величества короля Луи IV, а красный – клевой.

– А у короля Луи, что разные подвязки? – весело удивился шах.

Визирь не успел ответить. В рыцарском лагере вдруг раздались дикие вопли и в воздухе замелькали боевые стяги. Их хаотичное движение было направленно не столько вправо-влево, сколько вверх-вниз.

– Кажется, захватчики дерутся, Ваше Величество! – воскликнул визирь. – Кодекс чести запрещает рыцарям применять боевое оружие против своих, и эти пьяные идиоты дерутся флагами.

Заходящее солнце сильно мешало шаху и визирю рассмотреть все подробности драки в лагере. Тем не менее, и тот и другой увидели, что драка росла и вскоре в ход пошли оглобли от сломанных обозных телег и дрынье от разбитых лестниц.

Еще через пару минут рыцари принялись разбирать на колья пару штурмовых башен. Фронт «синие против красных» протянулся вдоль всего лагеря – почти точно по центру.

– Ваше Величество!.. – снова воскликнул визирь.

Его глаза загорелись боевым азартом. Шах все понял.

– Подготовить тяжелую конницу, – отдал приказ Махмуд. – Ударить в центр и разогнать эту пьяную толпу!

Подготовка к атаке отняла не больше получаса. Шах Махмуд не отрывал жадного взгляда от рыцарского лагеря. Потасовка внутри него не утихала. Она только росла, поскольку в бой вступали оруженосцы, монахи и даже заезжие торговцы.

Внизу скрипнули тяжелые, плохо смазанные ворота и в

сторону лагеря захватчиков с улюлюканьем помчались три тысячи закованных в броню всадников.

– Ваше Величество, я заранее поздравляю вас с победой! – громко сказал визирь.

Он низко поклонился.

– Да подожди ты!.. – отмахнулся Махмуд.

Впрочем, близкий успех уже кружил голову и шаху. Он азартно потерял ладошки.

– Совсем немножко подожди, Усмани! – шах подмигнул. – Понял, да?..

Тяжелая арабская конница врезалась в центр рыцарского лагеря. Всадники азартно размахивали клинками и копьями, но на них вдруг обрушился целый ураган ударов длинных оглобель и кольев.

– Мочи и этих, ребята!.. – взвыли «синие» рыцари справа.

– Круши, братва! – орали «красные» слева. – Бей их!..

У шаха опустились руки... Он вдруг увидел, как бессильны сабли перед мощными и длинными оглоблями. Если от удара сабли могли защитить доспехи, то удар дубины попросту глушил всадника или его коня. Древки боевых рыцарских стягов, опущенные к земле, тормозили на полном скаку коней, а брошенные пустые бочки сначала били по головам конников, а потом падали на землю и вносили еще большую сумятицу в конный строй.

В рыцарском лагере снова повторился вопль:

– Мочи их, братва!..

«Да при чем тут вода-то? – подумал ошарашенный шах – И почему именно сейчас моих воинов должен кто-то мочить?!»

Он с ужасом смотрел, как простая деревенская драка, приличествующая больше сельскому кабачку, чем благородной схватке двух цивилизаций, уничтожает его лучшие силы. Зажатые с двух сторон «синими» и «красными» тяжело-весные и неповоротливые арабские конники были явно растеряны и только отмахивались саблями от вездесущих дубин.

– Усмани! – закричал шах. – Трубите отход!

В крепости тут же завывли трубы. Остатки конницы, судя по ее мгновенной реакции, охотно метнулись в сторону распахнутых городских ворот. Бегство было таким поспешным, что всадники едва не сбивали с ног друг друга, а лошади пособачьи поджимали хвосты.

Когда последний конник нырнул в ворота, те заскрипели, но вдруг прервали начатое движение.

Шах свесил голову вниз и рывкнул:

– Что там?

– Заклинили ворота, шайтан их задери!.. – пояснили снизу.

Шах понял хитрую тактику противника. Беззащитный, как скворечник, город мог быть захвачен за час боя.

Махмуд ринулся вниз.

– Навались, ребята! – закричал он, что было силы напирая

на створку ворот. – Давай, жми!..

Толпа воинов бросилась на помощь своему любимому предводителю. Правда, эта же толпа чуть не раздавила его, притиснув носом к обитому железом дереву. Верный Усмани едва успел вытащить своего повелителя из оравы воинов.

Отмахнувшись от визиря, шах со скоростью ошалевшей белки взлетел на крепостную стену. Взгляд Его Величества Махмуда II ожидал увидеть стройные ряды бегущих в атаку захватчиков и лес копий... Но ни захватчиков, ни копий не было. Драка в рыцарском лагере продолжалась и там, кажется, даже не заметили исчезновение конного врага.

За спиной шаха с шумом дышал визирь.

Махмуд вытер мокрый от пота лоб и посмотрел на Усмани.

– Что ворота? – спросил он. – Закрыли?

– Пока нет... Но нас не будут атаковать. Рыцарям не до нас, Ваше Величество.

Шах медленно пошел со стены вниз... Он безразлично взглянул на воинов возле ворот и поплелся в сторону дворца.

«Устал я что-то сегодня, – подумал Махмуд. – Это не работа, одни нервы, понимаешь... Может выпить немного, а?...»

Мысль была, конечно, крамольной и шах чуть покраснел. Фляжка с дорогим греческим вином был спрятана под ложем шаха. Этот трофей, захваченный в бою за один из рыцарских обозов, приятно булькал под запечатанной крышкой и казал-

ся удивительно притягательным. Иногда Махмуд задумчиво и долго смотрел на него и водил пальцем по серебряной поверхности фляжки.

«Можно и Усмани позвать...»

Грех, разделенный на двоих, уже не казался таким большим.

Махмуд оглянулся и бросил последний взгляд в сторону рыцарского лагеря... Щель, между незапертыми створками ворот, была еще достаточно широкой, и мудрый шах увидел, что драка между захватчиками продолжалась. В центре лагеря уже что-то горело... На переднем плане пьяный монах лупил пивной кружкой по голове человека с пышным магистровским плюмажем на голове.

«Не-е-е!.. – подумал Махмуд. – Не буду пить сегодня пить... И Усмани сманивать грешно. Вот победим, тогда можно чуток и расслабиться!»

Так начиналась легенда

Автора рассказа всегда удивляло то, что герои таких замечательных фильмов как «Властелин Кольца», «Индиана Джонс» и многих других, презрев законы теплофизики и биологии, а именно, благополучно повисев над потоками жгуче жаркой лавы, потом, без последствий, выбирались из этой передраги.

Нет-нет!.. Автор тоже «нарушитель».

Впрочем, он только улыбался...

– Я тебе покажу, крокодилюга ты крылатый!..

Брунгильда наступала на огнедышащего дракона, прикрывшись щитом. Меч в ловкой женской ручке орудовал с ловкостью ножа опытного повара.

Дракон по-собачьи взвизгнул и шарахнулся в сторону.

– Куда?! – рывкнула королева-воительница. – А ну стоять, птеродактиль!

Через пять минут меч королевы-воительницы наконец закончил свою разделочную работу. Кровь из поверженного тела дракона быстро заполнила все впадины и ложбинки возле его логова.

Брунгильда метнулась к краю пропасти. Там, над близким и огненно сверкающим потоком лавы, вцепившись левой рукой за крохотный выступ, висел король Зигфрид.

– Руку дай!

Брунгильда легла на живот, но никак не могла дотянуться до запястья мужа. Зигфрид поднял глаза... Они были уставшими и удивительно честными.

– Все равно мне хана, Брунчик, – ласково сказал Зигфрид. – На последок признаться тебе хочу... То есть покаяться. Помнишь Матильду фон Драп? Так вот, я тебе изменил с этой дурой. А эту помнишь... Ну, светленькую такую?.. Дочь фон Швейба?

– Руку дай, идиот! – закричала Брунгильда.

– ... И с ней тебе изменил, – закончил фразу Зигфрид. – И вообще, я за последние пять лет я ни одной юбки не пропустил. Я был плохим мужем, Брунчик...

– Знаю. Но в аду, на сковороде, ты будешь жариться потом. А теперь дай мне руку!

Зигфрид неохотно протянул руку. Упираясь в землю коленями и до крови прикусив губу, Брунгильда потащила короля-мужа наверх.

– Осторожнее!.. – взвыл король. – Меня дракон за плечо укусил.

Наконец Его Величество было благополучно извлечено из горящей пропасти. Брунгильда без сил осела на землю.

– Ой, а это что, а?!.. – вдруг удивился Зигфрид.

Он ощупал свои боевые латы. Руки короля стали быстрыми и суетливыми, как у мелкого воришки.

– Это че?!.. – уже не своим голосом взвыл Зигфрид.

«Латы от жара нагрелись», – догадалась Брунгильда.

– Мама родная! – перешел на откровенные вопли Зигфрид. – Я же сейчас как сосиска изжарюсь!

Король попытался сорвать доспехи, но его руки, облаченные в неуклюжие перчатки из кольчуги, только скользили по металлу.

– Ой, же черт!.. Брунчик, ты что расселась?!.. Помогите!

Зигфрид невольно исполнил несколько довольно замысловатых танцевальных па, которые вряд ли удались бы ему на пьяных вечеринках во дворце.

– Брунчик!..

– Это та адская сковорода, милый, о которой я тебе говорила, – напомнила мужу Брунгильда.

– Ты что, сдурела, да?! – взвыл Зигфрид. – Я ж пока живой человек! Какого черта меня жарить?

Брунгильда кивнула мужу на лужу драконьей крови.

– Прыгай туда, дорогой.

Зигфрид, не думая, последовал совету жены. Над глубокой лужей тут же поднялось облако густого пара.

– Ух, как хорошо! – радостно сказал Зигфрид. – Брунчик, я просто балдею. Ты как, ничего, да?..

– Ничего, – отозвалась Брунгильда. – Все нормально.

«Придворные сочинители легенд, конечно, потом напишут, что дракона убил король Зигфрид, – вдруг подумала Брунгильда. – Кроме того, эти же писаки придумают какую-нибудь ловкую причину для того, чтобы оправдать купание Зигфрида в луже драконьей крови... Фантасты!»

Брунгильда стала на колени и помогла мужу выкарабкаться из глубокой лужи. Король полз медленно и неуклюже то и дело скользя руками по покатоному берегу. Чтобы встать на ноги Зигфриду пришлось опереться на женскую спину. Брунгильда не выдержала королевской тяжести и ткнулась носом в не очень чистый песок.

Зигфрид подобрал оброненный в бою меч и, высоко подняв его, провозгласил:

– Дракон убит, да здравствует король!

Брунгильда встала и вытерла нос.

«А нас, женщин, в легенды не записывают, – подумала она. – Впрочем, и черт с ними, с этими легендами! Кажется, мне пора подумать, что приготовить на ужин моему милому идиоту...»

Взгляд женщины упал на крылатую тушу дракона.

«Интересно, – улыбнулась Брунгильда, – а это что?.. Курятина или телятина?»

... О том, что он стрескал на ужин огромный кусок жареной драконятины, Зигфрид так и не узнал.

Мы, настоящие женщины...

Закованный в тяжелые рыцарские доспехи легковесный юнец нервно ерзал в седле то и дело бестолково надавая шпорами. Лошадь Эсмеральда еще только переминалась с копыта на копыто на старте и, тем не менее, едва не споткнулась о неловко опущенное копые.

Лошадь фыркнула и покосилась лиловым глазом на всадника.

«Дал бог седока! – подумала она. – Просто железный «чайник» какой-то. Ты что не видишь, да?!.. Отмашки флажка еще не было».

В ста шагах впереди неподвижно стоял противник юнца – Черный Рыцарь. Его боевой конь – гигант Антей – спокойно пощипывал травку, не удосуживаясь даже взглянуть в сторо-

ну Эсмеральды.

– Первая схватка! – крикнул судья рыцарского турнира. – Вперед, господа!

Он взмахнул флажком. Эсмеральда встала на дыбы, давая понять юнцу, что пора бы справиться с копьем. Между тем Черный Рыцарь плавно тронулся с места. Опытный жеребец Антей постепенно набирал скорость и по мере ее возрастания конь и всадник, казалось, превращались в единое и стремительное целое.

Эсмеральда сделала первый скачок вперед. Юнец громко ойкнул и едва не вывалился из седла. Лошадь перешла на осторожный семенящий шаг. До рокового столкновения тяжелооруженных рыцарей оставались считанные секунды. Эсмеральда прикинула на глазок оставшееся расстояние, и едва копье Черного рыцаря коснулась щита ее седока, отшатнулась в сторону. Копье скользнуло по щиту юнца и со свистом ушло в пустое пространство.

На импровизированной трибуне звонко вскрикнул женский голосок. Несколько придворных дам тут же принялись обмахивать платочками взволнованную юную красавицу с белой фатой на голове.

«Переживает за моего лоха, бестолковая, – догадалась Эсмеральда. – Хотя зря, конечно. «Чайник» он и есть «чайник»... Все равно свалится».

– Схватка продолжается, – объявил судья. – Тур второй! Рыцари вернулись на старт.

«Споткнуться, что ли?..» – размышляла про себя Эсмеральда.

Простое падение с лошади было бы значительно меньшей катастрофой для ее седока, чем страшное столкновение с копьем Черного рыцаря.

Высокомерное ржание Антея заставило Эсмеральду отказаться от этой мысли. Антей бил, копытом презрительно рассматривая противников.

«Значит так, да?.. – с обидой подумала Эсмеральда. – Ладно, сейчас мы посмотрим кто кого!»

Эсмеральда тоненько и призывно заржала, стараясь придать своему голосу как можно больше сексуальности. Жеребец Антей замер. Эсмеральда повторила зов...

Человек с красным флажком еще не успел поднять руку, как вдруг Антей рванулся вперед. Черный Рыцарь выругался: его еще не поднятое копьё скользило вниз под тонкими бревнами, разделяющими две встречные дорожки.

– Да что за черт!.. – глухо, как из железной бочки, взвыл Черный Рыцарь.

Эсмеральда поскакала на встречу Антею.

Натолкнувшись на вертикальный столбик, копьё Черного Рыцаря громко хрустнуло и сломалось. Тем не менее, легко увернувшись от копья неприятеля, Черный Рыцарь что было силы, ткнул бронированным кулаком в его щит.

Юнца приподняло в седле... Эсмеральда рванулась в ту сторону, в которую заваливался ее хозяин. Юнец выпрямил-

ся, но тут же едва не опрокинулся вправо. Эсмеральда остановилась и взбрыкнула задом. Отчаянная эквилибристика лошади и всадника вызвала бурю восторга на трибуне. Зрители зааплодировали.

– Bravo! – громче всех крикнула красотка в белом.

– Тур третий! – объявил бас. – Прошу на старт, господа.

Эсмеральда снова тихонечко заржала. Жеребец Антей обиженно отвернулся.

«Больше ты меня этими штучками не купишь, – было написано на его морде. – Знаем уже, знаем!..»

Судья взмахнул флажком. Антей стремительно сорвался с места. Эсмеральда нехотя затрусила навстречу, не спуская тревожного взгляда с сосредоточенной морды жеребца. На всякий случай она повторила нежный зов. Антей упрямо опустил голову и прибавил ходу.

– Щ-щ-щас я тебя, гада!.. – гулко рявкнул в опущенное забрало Черный рыцарь. – Щ-щ-щас сделаю!

Эсмеральда присела. Копье Черного рыцаря со свистом пронеслось над шлемом ее седока. Лошадь быстро шагнула к барьеру.

– Иго-го-го!.. – во всю силу своих легких выдала она в проносившуюся мимо морду Антея. – Иго-го-о-о!!!..

Конь от неожиданности споткнулся. Этого оказалось достаточным, чтобы копьё Черного рыцаря воткнулось в землю. Оно мгновенно превратилось в неуправляемый шест для прыжков в высоту, и страшная сила вырвала Черного рыца-

ря из седла. В воздухе мелькнули его лишённые бронированных сапог ноги одетые в романтические, голубые носочки. Совершив замысловатый пируэт, Черный Рыцарь обрушился на свою собственную палатку, украшенную витиеватым гербом в десятке шагов от места схватки.

На трибуне радостно закричала красotka в белом.

Эсмеральда остановилась. Юнец сразу неуклюже шлепнулся на землю. Впрочем, он сделал это на несколько секунд позже своего страшного противника.

...Ночью Эсмеральда прокралась в стойло Антея. Жеребец задумчиво жевал овес. Эсмеральда положила головку на его пышную гриву. Антей вздрогнул и слегка лягнул копытом.

«Ну-ну, милый! – ласково заржала лошадь. – Может быть, пойдем, прогуляемся, а?..»

Антей обиженно засопел. Эсмеральда нежно укусила жеребца за ухо, отскочила в сторону и игриво взбрыкнула.

«Посмотрите, какая я красивая, – было написано на ее лукавой мордочке. – Ну, пойдем же, пойдем!..»

Через несколько минут ласки сделали свое дело. Антей вздохнул и поплелся следом за Эсмеральдой.

«На луге попасемся, – решила про себя Эсмеральда. – Свежей травки поедим, потом в речке искупаемся. Расслабимся, короче говоря...»

Звездная ночь была тихой и безветренной. Возле королевской палатки стояли юнец и девушка в белом. Девушка

счастливо улыбалась. Юноша держал ее за руки и жарко рассказывал о своих подвигах.

– Буду я еще этого дурака бояться! – громко говорил он. – Подумаешь, Черный рыцарь победил в ста пятидесяти схватках. А я его се равно сделал.

Эсмеральда оглянулась. Сзади опустив крупную голову, брел Антей. Эсмеральда тихо и ласково заржала.

«А вообще-то, – подумала она, – мы, настоящие женщины, можем делать с мужчинами все что захотим. И, пожалуйста, не отставай от меня, любимый!..»

Рыцари и сеньоры

Профессор Иван Степаныч посмотрел на часы. Стрелки показывали половину третьего. В пустой аудитории, за последним столом, низко наклонив голову, сидела студентка в белом платье и фате. Профессор видел только ее щеки. Розовые щеки невесты были пышными, как сдобные булочки. Девушка задумчиво грызла авторучку.

Дверь тихо скрипнула, и в аудиторию просунулся молодой человек.

– Ну, скоро тут?!.. – взволновано спросил он.

– Закройте, пожалуйста, дверь, – строго сказал Иван Степаныч.

Дверь захлопнулась.

Невеста вздохнула и еще ниже опустила голову. Сессия

уже кончилась и, пожалуй, девушка в белом платье была единственной студенткой в опустевшем университете.

Иван Степаныч подошел к окну. Возле входа в институт стояла кавалькада машин украшенная разноцветными ленточками.

– Опаздываем!.. – шепнул сзади взволнованный голос.

Иван Степаныч оглянулся. Жених гипнотизировал розовощекую невесту жадным взглядом.

Профессор улыбнулся.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил он.

– Петя, – не глядя на профессора, ответил жених.

– Может быть вы, Петя, поможете нам ответить на вопрос «Феодальное право сеньора эпохи средневековья»?

Молодой человек решительно вошел в аудиторию.

– А что за право-то? – осторожно уточнил он.

– Ну, например, так называемое «право первой брачной ночи».

– Очень даже просто! – уверенно сказал молодой человек. – Например, во время первой брачной ночи любой жених имеет право...

– Не жених, – перебил профессор. – А сеньор.

– Какой сеньор?!..

– Средневековый.

Молодой человек с ужасом посмотрел на профессора. Потом перевел взгляд на невесту. Та чуть слышно всхлипнула.

Профессор ждал.

– Короче, это самое... Было такое право, – неуверенно начал Петя. – Давно, правда... За это сеньорам отрывали головы. А еще у них жгли средневековые замки... Потом против них объявили крестовый поход.

– Кто объявил? – спросил профессор.

– Эти... Как их? – Петя почесал затылок. – Рыцари, в общем!

– Благородные рыцари против подлых сеньоров, вы хотите сказать?

– Ну да!.. – легко согласился Петя.

– Очень интересно, – улыбнулся профессор. – Продолжайте, пожалуйста.

– Рыцари ловили банды сеньоров в лесах и топили их в болотах, – быстро заговорил Петя. – Мелкие шайки сеньоров-диверсантов уничтожало местное ополчение...

– Под предводительством Робин Гуда?

– Ага!.. Но потом его подло убили мечом в спину. Тогда народные массы под руководством рыцарей...

– ... И Жанны Д Акр! – подсказал профессор.

– ... Устроили сеньорам настоящую драку, – горячо поддержал Петя. – Земля горела под ногами сеньоров-захватчиков! В битве при Пуатье рыцари наголову разбили объединившиеся банды сеньоров...

Красочный рассказ Пети о грандиозной битве при Пуатье занял около пяти минут. Розовощекая невеста не сводила с жениха восторженного взгляда. Больше всего девушке

понравилась бесшабашная удаль благородного Черного Рыцаря. Этот отчаянный рубака был чем-то похож на самого рассказчика.

– А как вел себя король? – вставил профессор.

– Король оказался слабым человеком, – отмахнулся Петя. – Когда сеньоры ушли в подполье и организовали заговор, он бездействовал. Тогда три мушкетера во главе с Д Артаньяном...

– Достаточно! – профессор поднял руки и улыбнулся. – Честное слово, вы заработали самую настоящую пятерку.

... Когда счастливая парочка покинула аудиторию, профессор встал и подошел к окну.

Петя и его невеста спускались по порожкам к кавалькаде машин. Жених что-то с жаром рассказывал девушке, размахивая руками. Очевидно, что он продолжал свой рассказ о рыцарях и сеньорах. Девушка жадно слушала, не отрывая влюбленного взгляда от возбужденного лица Пети.

Профессор от души расхохотался. Нет, черт возьми, Петя совсем не переделывал историю. Он просто творил ее!..